

СОСЭКИ

НАЦУМЭ

*ВАШ ПОКОРНЫЙ
СЛУГА КОТ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Сосэки Нацумэ

Ваш покорный слуга кот

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140925
Ваш покорный слуга кот: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-153244-4*

Аннотация

Жизнь и наблюдения... КОТА.

Нет, не обычного уличного, а высокообразованного кота, который живет в доме представителя «культурной элиты» – школьного учителя. А посему события его собственного хвостатого бытия непрерывно перемежаются с историями семейства его хозяина и их друзей и знакомых – интеллектуалов и господ, которые стараются таковыми казаться, ученых и предпринимателей, преуспевающих и не очень.

И как же уморительно вся эта многообразная братия выглядит под острым кошачьим взглядом!

«Ваш покорный слуга кот» – шедевр японской литературы, переведенный на 20 языков, экранизированный и даже положенный в основу аниме.

Содержание

Глава I	5
Глава II	30
Глава III	117
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Сосэки Нацумэ

Ваш покорный слуга кот

© Перевод. Л. Коршиков, наследники, 2022

© Перевод. А. Стругацкий, наследники, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава I

Позвольте представиться: я – кот, просто кот, у меня еще нет имени.

Я совершенно не помню, где родился. Помню только, как я жалобно мяукал в каком-то темном и сыром углу. Здесь же мне впервые довелось увидеть человека. Позже я узнал, что это был мальчишка-сёсэй¹, один из тех сёсэев, которые слынут самой жестокой разновидностью людского племени. Рассказывают, что эти мальчишки иногда ловят нас, кошек, жаривают и едят. Но тогда я даже не подозревал, что мне грозит такая опасность, и поэтому не очень испугался. Я не почувствовал никакой тревоги и тогда, когда мальчишка взял меня на руки и поднял на головокружительную высоту. Мне даже было приятно в теплых и мягких ладонях сёсэя. Я устроился поудобнее и принялся рассматривать его – ведь как-никак это была моя первая встреча с человеком. Уже тогда человек показался мне существом весьма странным. Этого мнения я придерживаюсь и по сей день. Взять хотя бы лицо. Ведь именно здесь должна расти самая густая, самая красивая шерсть. А у него оно голое и круглое – совсем как никелированный чайник! Мне потом приходилось встречаться

¹ Сёсэй – подросток, живущий в доме врача, учителя или адвоката и выполняющий небольшие поручения своего патрона, за что последний оплачивает его обучение в гимназии. – *Здесь и далее примеч. пер.*

со многими кошками, но ни разу я не видел среди них такого уроды. Более того, средняя часть лица у человека как-то странно выдавалась вперед, а из двух отверстий в этом выступе время от времени вылетали клубы дыма. Дым был едким и противным, и я начал задыхаться. Только недавно я наконец узнал, что это был дым табака, который курят люди.

На руках у мальчишки я просидел довольно долго и чувствовал себя вполне хорошо. Но вдруг меня куда-то стремительно понесло. Я никак не мог понять, что происходит, то ли это двигался мальчишка, то ли двигался лишь я, а он стоял на месте, во всяком случае, голова у меня пошла кругом. К горлу подступила тошнота. «Теперь конец», – мелькнула мысль, и тут я хлопнулся оземь, да так, что из глаз посыпались искры. До этого момента я все помню хорошо, но что было потом – хоть убей, не могу вспомнить.

Когда я вдруг пришел в себя, мальчишки поблизости уже не было. Не было никого и из моих многочисленных братьев и сестричек. Даже моя заботливая и нежная мать – и та куда-то исчезла. Я очутился в совершенно незнакомом месте, было непривычно светло, так светло, что резало глаза.

«И куда это я попал?» – подумал я и попробовал сделать несколько шагов, но каждый шаг причинял мне страшную боль – ведь теперь вместо мягкой соломки у меня под ногами была густая колючая поросль молодого бамбука.

Вскоре я выбрался из зарослей и оказался на берегу большого пруда. Здесь я присел на землю и стал размышлять

над тем, что же теперь делать, но ни до чего путного так и не додумался. Мне пришло в голову, что если я немного поплачу, то мальчишка непременно придет за мной. «Мяю, мяю», — начал я, но никто не появлялся. А между тем откуда-то, взволновав поверхность пруда, налетел прохладный ветерок. Солнце зашло. Страшно хотелось есть. Я так ослабел, что даже не мог плакать. «Теперь уж все равно ничего не поделаешь, так хоть пойду поищу какой-нибудь еды», — решил я и медленно побрел вдоль берега. На душе было тяжело. Так я шел и шел терпеливо, сам не зная куда, и вдруг до меня донесся запах человеческого жилья. «Пойду-ка туда, авось кто-нибудь да выйдет», — подумал я и через дыру в изгороди проник в чей-то двор. Удивительная вещь — случай: не будь этой дыры, умер бы я в конце концов от голода где-нибудь на дороге. Вот уж недаром говорят: «Неисповедимы пути господни». А через эту дыру я и сейчас хожу в гости к Микэ, которая живет по соседству.

Ну, хорошо, во двор-то я пробрался, а вот что делать дальше? К этому времени совсем стемнело, и меня окончательно одолел голод. А тут еще пошел дождь, и я сильно продрог. Нельзя было терять больше ни минуты. И я отправился дальше, туда, где, как мне казалось, можно найти свет и тепло.

Теперь я знаю, что тогда я сумел побывать в доме. И там мне снова представился случай встретиться с человеком, на этот раз уже не с мальчишкой. Первой меня заметила служанка. Она обошлась со мной куда безжалостнее, чем тот со-

рванец сёсэй. Как только я попался ей на глаза, она схватила меня за загривок и вышвырнула на улицу. «Это уж совсем никуда не годится», – подумал я и, закрыв глаза, вверил свою судьбу небу. Но холод и голод были поистине нестерпимы, и, улучив минуту, когда служанка отвернулась, я опять проскользнул в кухню и тут же снова был выброшен за дверь. Помню, как много раз подряд я пробирался в дом и сразу же оказывался под дождем, как я опять возвращался и меня опять вышвыривали. Уже тогда я всей душой возненавидел служанку. Совсем недавно я утащил у нее со стола рыбу и этим хоть немного отомстил ей за обиды.

Когда она схватила меня в последний раз и уже собиралась было вышвырнуть из кухни, вошел хозяин дома.

– Что тут за шум? – спросил он. Служанка опустила руку и указала на меня.

– Да вот какой-то бездомный котенок все лезет и лезет. Я его гоню, а он опять... Надоел даже...

Хозяин, покручивая росшие у него под носом черные волосы, некоторое время внимательно рассматривал меня, а потом произнес:

– Ну, раз так, то пусть остается у нас, – и снова ушел в комнаты.

Он производил впечатление человека не очень разговорчивого. Служанка с досады бросила меня на пол. Вот так я и поселился в этом доме.

С хозяином мне приходится сталкиваться редко. По про-

фессии он учитель. Придя из школы, запирается на целый день в кабинете и почти не выходит оттуда. «До чего он тру-долюбив», — думают домочадцы. А хозяину и в голову не приходит их разубеждать, что на самом деле он вовсе не такой. Иногда я украдкой заглядываю в кабинет и вижу, как он целыми днями спит, уткнувшись носом в раскрытую книгу. Хозяин страдает несварением желудка, поэтому цвет кожи у него изжелта-бледный, а тело дряблое. Но тем не менее ест он помногу, а после обильной еды пьет диастазу Така. Потом идет в кабинет и раскрывает книгу. Однако, прочитав две-три страницы, засыпает, и из полураскрытого рта прямо на книгу начинает капать слюна. Такого рода «занятия» повторяются каждый вечер. Я всего лишь кот, но и то иногда думаю: «До чего же хорошо быть учителем. Будь я человеком, обязательно избрал бы эту профессию. И кошка могла бы справиться с такой службой: спи себе — и вся недолга». Но попробуйте спросить у моего хозяина, и он вам ответит, что нет ничего тяжелее и неблагодарнее труда учителя. Во всяком случае, когда к нему приходят друзья, он всеми силами старается подчеркнуть это.

С тех пор как я поселился в этом доме, все, кроме хозяина, обращаются со мной бесчеловечно. К кому ни подойдешь — все тебя гонят, никто не хочет с тобой поиграть. Мне до сих пор даже не дали имени — вот как мало меня здесь ценят. Потому-то я и стараюсь все время быть поближе к хозяину, ведь как-никак это он приютил меня. По утрам, ко-

гда хозяин читает газеты, я непременно взбираюсь к нему на колени. А днем, когда он ложится спать, я устраиваюсь у него на спине. И не потому, что я уж очень люблю хозяина, – просто мне больше не к кому приласкаться. Теперь я приобрел некоторый опыт и решил: по утрам спать на мэсибицу², по вечерам – на котацу³, а днем, если на дворе тепло и нет дождя, отправляться на галерею. Но больше всего я люблю забраться с вечера в постель к хозяйским дочкам и проспать там всю ночь. Одной дочке хозяина пять, другой – три года, и спят они вместе. Я отыскиваю свободное местечко и укладываюсь рядом с ними. Но беда, если кто-нибудь из них проснется, – какой тогда поднимается шум! Им совсем невдомек, что уже ночь и все спят, и они начинают громко вопить: «Кошка, кошка!» Особенно усердствует младшая, у которой вообще несносный характер. Своими криками они будят моего больного нервного хозяина, который спит в соседней комнате. Он вскакивает и бежит к детям. Вот и недавно он рассердился, схватил указку и пребольно хлестнул меня по заду.

Чем дольше я живу среди людей, чем внимательнее к ним присматриваюсь, тем больше убеждаюсь, что они существа весьма капризные и своевольные. Что до детей, с которыми я иногда сплю, то и говорить не приходится. Стоит им только

² Мэсибицу – сосуд для хранения вареного риса, имеет форму небольшой кадушки с крышкой.

³ Котацу – жаровня, которая помещается в углублении в полу.

захотеть, и они начинают тормозить меня, переворачивать вверх ногами, швырять на пол, заталкивать в печь, натягивать мне на голову мешок. Но как только я выражу недовольство, люди всей семьей гоняются за мной, ловят и избивают. И вот совсем недавно, когда я вздумал немного поточить коготки о циновку, хозяйка страшно рассердилась и совсем перестала пускать меня в комнаты. Какое ей дело до того, что кто-то на кухне дрожит от холода.

В доме наискосок от нас живет многоуважаемая Сиро-кун. Каждый раз, встречаясь со мной, она повторяет: «Нет на свете создания более бессердечного, чем человек».

У Сиро-кун недавно родилось четверо пушистых, похожих на шарики котят. Но уже на третий день живущий в их доме ученик отнес бедняжек за дом, к пруду, и побросал всех четверых в воду. Сиро-кун горько оплакивала своих детей и ни о чем другом не могла говорить. И еще она сказала, что мы, кошки, непременно должны бороться с людьми и уничтожить их всех до одного, если хотим обеспечить себе счастливую семейную жизнь, когда любовь между родителями и детьми достигнет наивысшего расцвета. Мне кажется, что это весьма и весьма справедливо. А Микэ-кун, которая тоже живет по соседству, при этом с возмущением добавила: «Люди совсем не имеют представления о праве собственности». У нас, кошек, издавна так заведено: кто первый заметит что-нибудь съедобное, – будь то голова сардинки или брюшко голавля – тот и имеет полное право сам съесть найденное.

Того же, кто не придерживается этого строгого закона, силой заставляют подчиниться ему. А люди, кажется, абсолютно не понимают этого и всегда отбирают найденные нами лакомства. Силой, без всякого зазрения совести они присваивают то, что принадлежит нам по праву. Сиро-кун живет в доме военного, хозяин Микэ-кун – адвокат. Я же живу в доме учителя и поэтому смотрю на вещи более оптимистично, чем мои приятельницы. Мне бы только тихо и мирно, без всяких волнений дожить до конца дней своих. Все равно господство людей на земле не будет вечным. Так что не будем терять надежды и подождем, пока наступит эпоха кошек.

Раз я уж начал говорить о капризах людей, то придется рассказать и о том, как однажды мой хозяин из-за своего дурного характера попал впросак. Он отнюдь не блещет талантами, но тем не менее берется за все. То сочиняет хайку и посылает их в журнал «Кукушка», то пишет стихи в новом стиле и отправляет их в «Утреннюю звезду», а то начинает строчить статьи на английском языке, в которых полно ошибок. Иногда он вдруг увлекается стрельбой из лука или принимается распевать утаи⁴, а иногда с утра до вечера пиликает на скрипке. Но, к сожалению, он во всем далек от совершенства, хотя, несмотря на несварение желудка, целиком отдается этим странным занятиям. Он распевает свои утаи даже в нужнике, за что и получил от соседей прозвище «Господин

⁴ Утаи – песни, исполняемые во время представлений в классическом японском театре «Но».

нужник». Но он не обращает на это никакого внимания и продолжает петь: «Я храбрый Тайра Мунэмори», и все прыскают со смеху: «Нет, каково, вы только послушайте: новый Мунэмори объявился».

Однажды я был совсем сбит с толку и никак не мог понять, какая новая идея пришла в голову моему хозяину. Это было в день выдачи жалованья, когда прошел всего лишь месяц с тех пор, как я поселился в доме учителя. Хозяин вернулся из школы очень взволнованный, в руках у него был большой сверток. «Интересно, чего он там накупил», – подумал я. В свертке оказались кисти, акварельные краски, листы ватманской бумаги. С тех пор хозяин забросил утай, хайку и, казалось, преисполнился решимости стать художником. Уже со следующего дня он начал запираяться в кабинете и рисовать. Он даже отказался от послеобеденного сна. Но сколько потом люди ни вглядывались в его картины, никто не мог определить, что там нарисовано. Да и он сам, наверное, понимал, что получается не то, что нужно.

Как-то я подслушал разговор хозяина с одним его приятелем, который, кажется, был искусствоведом.

– Неважно что-то у меня получается, – жаловался мой хозяин. – Посмотришь у других – ну что здесь, казалось бы, особенного, а вот как сам возьмешься за кисть... Трудно, очень трудно...

Он действительно нисколько не кривил душой.

– Да, сначала всегда так, – отвечал гость, глядя на хозяи-

на поверх очков в золотой оправе. — И вот что главное: ты никогда не сможешь написать хорошую картину, если твое воображение ограничено стенами дома. Послушай, что говорил старый итальянский мастер Андреа дель Сарто: «Если хочешь написать настоящую картину, то изображай то, что имеется в природе, неважно что именно. Природа сама по себе большая, живая картина. На этой картине есть все: и мерцание звезд на небе, и блеск росы на траве, и летящие птицы, и бегающие животные, и плавающие в пруду рыбы, и стынувшие на ветвях опавших деревьев вороны». Вот и тебе, для того чтобы стать настоящим художником, следует рисовать с натуры. Интересно, что получится...

— Как, Андреа дель Сарто действительно так говорил? А я и не знал. И он, конечно, прав, тысячу раз прав. Ведь так и должно быть, — чересчур восторженно воскликнул хозяин.

За очками в золотой оправе мелькнула ироническая усмешка.

На следующий день я, как обычно, вышел на галерею и, устроившись поудобнее, задремал. Хозяин тоже вышел из кабинета, чего раньше в это время дня с ним никогда не случилось, и, стоя позади меня, начал усиленно над чем-то трудиться. Когда я проснулся и, чуть-чуть приоткрыв один глаз, взглянул на хозяина, то обнаружил, что он старательно выполняет завет великого Андреа дель Сарто. Я не мог сдерживать невольной улыбки. Хозяин попался на удочку своего приятеля и для начала решил изобразить меня. Я уже хоро-

шо выпался, и мне страшно хотелось потянуться и зевнуть. Но хозяин работал с упоением, и я понял, что стоит мне пошевелиться, как все пойдет насмарку, а поэтому терпел изо всех сил. Он уже нанес на бумагу контуры моего тела и сейчас раскрашивал мордочку.

Сознаюсь, что как кот я не представляю собой превосходнейшего экземпляра. Можно смело сказать, что я не отличаюсь от других котов ни ростом, ни цветом и красотой шерсти, ни чертами мордочки. Но при всей своей заурядной внешности я никак не могу согласиться, что похожу на страшилище, которое в это время рисовал мой хозяин. Прежде всего, я совсем другого цвета. Шкурка у меня, как у персидской кошки: светло-серая, с желтоватым оттенком и с черными блестящими, как лак, пятнами. Уж что-что, а это всякий может разглядеть. На картине же я был не желтым и не черным, не серым и не коричневым. Да что говорить, здесь не было даже смешения этих цветов! Одним словом, это был весьма своеобразный цвет, иначе и не скажешь. Но что самое удивительное – так это глаза. Вернее, глаз на картине вовсе не было. На первый взгляд это представлялось вполне резонным: ведь хозяин рисовал меня, когда я спал. Но дело в том, что на рисунке не было даже какого-либо намека на глаза; сколько ни гадай – никак не угадаешь, то ли это слепая кошка, то ли спящая. И я подумал про себя: «Что бы там ни говорил Андреа дель Сарто, а такая картина никуда не годится». Однако при всем этом нельзя было не восхищаться-

ся тем огромным рвением, с которым работал мой хозяин. Я всеми силами старался не шевелиться, но мне уже давно хотелось пойти по нужде. Внутри у меня все напряглось, я не мог больше терпеть ни минуты. Вот и пришлось волей-неволей позабыть все приличия: я потянулся, выставив далеко вперед лапы и низко пригнув голову, и сладко зевнул. После этого уже, конечно, не стоило сидеть неподвижно, ведь так или иначе я спутал хозяину все его планы. Поэтому я поднялся и не спеша пошел за дом по своим делам. Но в это время раздался крик хозяина: «Ах, черт бы тебя побрал!» Гнев, отчаяние слышались в его голосе. Когда хозяин ругается, он всегда употребляет это выражение: «Черт бы тебя побрал». Такая уж у него привычка, да он и не знает других ругательств. Я же подумал: «Потерпел бы с мое, тогда бы не кричал “черт бы тебя побрал”». Не очень-то это вежливо». Обычно он так ругается, когда я забираюсь к нему на спину, но если лицо у него в эту минуту хоть чуточку добрее, я ему охотно прощаю грубость. Однако еще ни разу не случилось, чтобы он уважил хотя бы одно мое желание. Вот и сейчас мне было очень больно услышать это «черт бы тебя побрал», когда я встал, чтобы пойти помочиться.

Вообще люди слишком полагаются на свою физическую силу, а поэтому все они такие зазнайки. И неизвестно, каких пределов может достигнуть их зазнайство в будущем, если только не появятся какие-нибудь более сильные существа и не станут над ними издеваться. Можно было бы мирить-

ся с человеческим своенравием, если бы оно проявлялось только так; но дело в том, что мне известны случаи, когда людская несправедливость достигала прямо-таки вопиющих размеров.

За нашим домом есть небольшой, всего в каких-нибудь десяток цубо⁵ сад, в котором растет несколько чайных кустов. Здесь много уютных солнечных мест. Когда дети начинают слишком шуметь и в доме нельзя спокойно отдохнуть, когда у меня плохое настроение или я голоден, я всегда ухожу сюда и наслаждаюсь покоем.

Однажды в погожий осенний день около двух часов пополудни, я, хорошенько отдохнув после обеда, вышел на улицу и, прогуливаясь, забрел в сад. Я не спеша прохаживался между чайными кустами, обнюхивая их корни, пока не добрался до забора, который огораживает сад с запада. На засохшем кусте хризантемы, пригибая его своей тяжестью к земле, не обращая внимания на то, что творится вокруг, спал большой кот. Громко храпя и вытянувшись во всю длину, он продолжал спать даже тогда, когда я подошел совсем близко, – может быть, он не заметил моего приближения, а может, и заметил, но сделал вид, что ему решительно все равно. Забраться в чужие владения и так спокойно спать – нет, я не мог не удивиться такой дерзкой отваге. Он был весь черный, без единой отметины. Яркое, полуденное солнце щедро освещало его своими лучами, и казалось, что в мягкой шер-

⁵ Цубо – мера площади, равная 3,3 м².

сти кота все время вспыхивают неуловимые огоньки. Незнакомец был так великолепно сложен, что его можно бы было смело принять за короля кошек. Он был наверняка в два раза больше меня. Восхищение и любопытство заставили меня забыть обо всем другом; пораженный великолепием незнакомца, я застыл на месте и принялся в упор разглядывать его. Тем временем слабый осенний ветерок тихонько качнул свесившиеся через забор ветви павлонии, и несколько листьев с легким шорохом упало на куст хризантемы. Король кошек вдруг открыл глаза, громадные и совершенно круглые, как блюдце. Этот миг я запомнил на всю жизнь. Блеск его глаз затмевал даже янтарь, который так высоко ценится у людей. Незнакомец не шевелился. Взгляд его прекрасных глаз, из самой глубины которых, казалось, лились потоки света, остановился на моем ничтожном лбу. Он спросил:

– А ты, собственно говоря, кто такой?

Тут я подумал, что такая форма обращения выглядит несколько вульгарной в устах короля кошек, но в его голосе чувствовалась сила, способная привести в трепет даже собаку, и я стоял молча, объятый страхом. Но и молчать тоже было опасно. Поэтому, стараясь по возможности сохранить самообладание, я ответил:

– Я – кот, просто кот, у меня еще нет имени. – Сердце мое в эту минуту билось быстрее, чем когда-либо.

Он насмешливо произнес:

– Что? Кот? Подумаешь, тоже мне кот... А где ты живешь?

«Какой наглец», – подумал я и с достоинством сказал:

– Я живу в доме здешнего учителя.

– Ах, учителя, я так и думал. То-то ты такой тощий.

Он был королем и мог безнаказанно говорить что угодно.

Но из его манер я заключил, что незнакомец не из хорошего дома. Однако он был сытым, гладким – сразу видно, что живет в довольстве и ест вволю. И я не мог удержаться, чтобы не спросить:

– А ты откуда?

– Я – Куро, живу у рикши, – отвечал он высокомерно.

Этот Куро был известен как отпетый хулиган. О нем знали все в округе. Он слыл сильным, дурно воспитанным котом – сказывалось влияние рикши. Поэтому мы избегали водить с ним знакомство, но и ссориться боялись.

Когда он назвал свое имя, у меня от страха затряслись поджилки, но в то же время я почувствовал к нему презрение. Чтобы выяснить, насколько он необразован, я спросил:

– А как по-твоему, кто лучше: рикша или учитель?

– О, мой хозяин гораздо сильнее. Ты посмотри на своего – кожа да кости.

– Ты тоже, наверное, сильный. Ведь живешь-то в доме рикши, там и кормят, видимо, здорово.

– О, я!.. Я из тех, которые везде сыты будут. А ты только и знаешь что свои чайные кусты. Пойдем со мной, не пройдет и месяца, как ты растолстеешь так, что и не узнать будет.

– Не сейчас, как-нибудь в другой раз я попрошу тебя взять

меня с собой. Да и дом у учителя побольше, чем ваш, и жить в нем удобнее.

– Эх ты, олух. Одним домом сыт не будешь.

Тогда он, наверное, здорово на меня рассердился. Часто поводя ушами, похожими на косо обрезанные побеги бамбука, он резко вскочил и ушел. Так я познакомился с Куро.

После этого мы встречались довольно часто, и всякий раз он хвастался своим хозяином. Как-то раз он рассказал мне о страшной несправедливости со стороны людей, о той самой несправедливости, о которой я упоминал раньше. Однажды мы с Куро лежали среди чайных кустов, грелись на солнышке и беседовали. Он, как всегда, хвастался, причем делал это с таким видом, будто бы говорит что-то новое. Вдруг он повернулся ко мне и спросил:

– Сколько ты за свою жизнь поймал крыс?

Конечно, я гораздо образованнее Куро, но когда речь заходит о силе и храбрости, то я не могу с ним тягаться. Поэтому его вопрос несколько смутил меня. Но факт есть факт, соврать было невозможно, и я ответил:

– Все собираюсь начать ловить, но пока еще ни одной не поймал.

Куро отчаянно затряс своими пышными усами и громко захохотал. Он необыкновенный хвастун, этот Куро, и, следовательно, не очень умен. Поэтому во время его болтовни достаточно восхищенно мурлыкать, чтобы он стал мягким и податливым. Я понял это с первого дня нашего знакомства

и потому решил не показывать своего превосходства, дабы не испортить с ним отношений. Это было бы весьма нежелательно, и поэтому я изо всех сил старался польстить ему.

К этому способу я прибегнул и теперь.

– А ты, наверное, уже много крыс наловил... Ведь ты такой опытный.

Я как раз затронул его слабое место. Куро как будто про-
рвало:

– Ни много ни мало, а несколько десятков есть, – самодовольно заявил он. – Сотню-другую крыс поймать всегда можно. А вот хорька никак изловить не могу. Один раз даже в беду попал с этим хорьком.

– Как интересно! – подзадоривал я. А Куро, мигая своими огромными глазами, продолжал:

– Это случилось в прошлом году, когда у нас в доме была генеральная уборка. Хозяин взял мешок и отправился за из-
вестью под галерею, и представь себе, там был здоровенный хорек. Он, сволочь, сначала забегал, заметался, а потом вы-
скочил на улицу.

– Ух и здорово! – изобразил я восторг.

– Хорек! Только название страшное, а сам-то он лишь чуть побольше крысы. Я бросился в погоню и загнал этого прохвоста в сточную канаву.

– Ах, какой молодец, – продолжал я восхищаться.

– И только собрался его схватить, как он, проклятый, испустил страшную вонь. До того она была противна, эта вонь,

что и теперь при виде хорька меня начинает мутить.

Дойдя до этого места, Куро несколько раз помахал лапой перед носом, как будто и сейчас чувствовал этот отвратительный запах. Мне даже стало немного жаль его. Чтобы хоть как-нибудь подбодрить Куро, я сказал:

– Но вот если крыса попадется тебе на глаза, считай, что ее песенка спета. Ведь по части ловли крыс ты настоящий мастер. И растолстел ты так, наверное, потому, что у тебя постоянно мясной стол.

Однако моя откровенная лесть возымела самое неожиданное действие. Куро тяжело вздохнул и сказал:

– Эх! Только подумать – как все глупо получается. Сколько ни старайся, сколько ни лови крыс... Да знаешь ли ты, что на свете нет существа более нахального, чем эти мерзавцы – люди. Стоит мне поймать крысу, как ее тут же отбирают и несут к полицейскому. А там ведь не разбираются, кто поймал, и платят принесшему пять сэн⁶. Хозяин благодаря мне уже заработал на этом деле чуть ли не полторы иены, а мне ничего не перепало. Все люди – грабители, хоть и корчат из себя праведников.

Ай да Куро! Неуч, неуч, а человеческую натуру раскусил правильно. Он был страшно зол, шерсть на спине встала дыбом. Я даже немного испугался и поспешил уйти домой. Тогда-то я и решил никогда не ловить крыс и не участвовать в походах Куро за всякой другой живностью. Мне не надо ни-

⁶ Сэн – денежная единица, 1/100 иены.

какой вкусной пищи. Самое важное – хорошенько выпасться. Когда кошка живет в доме учителя, то она и характером начинает походить на учителя. А если не побережется, то может подобно своему хозяину заболеть несварением желудка.

Коль скоро речь снова зашла об учителях, то следует сказать, что недавно мой хозяин, кажется, в конце концов понял, что художник из него не получится, и первого декабря записал в своем дневнике следующее:

«Сегодня на собрании впервые встретился с господином N. Говорят, что он отъявленный развратник. И он действительно производит впечатление бывалого человека. Такие люди нравятся женщинам. Поэтому правильнее было бы сказать, что N просто вынужден быть развратником. Ходят слухи, что его жена была гейшей, фу ты, даже позавидовать можно. Уж так заведено, что чаще всего развратников ругают именно те люди, у которых нет никаких данных, чтобы самим стать развратниками. Более того, даже среди тех, кто стремится прослыть развратниками, многие совершенно неспособны на это. И все-таки они стараются изображать из себя таковых. Эти люди так же достойны звания развратника, как я – звания художника. Тем не менее они считают себя бывалыми людьми и страшно важничают. Если можно прослыть бывалым, выпив сакэ в ресторане и сходя в дом свиданий, то тогда чем и я не художник? Любой невежественный провинциал намного выше этих тупых бывалых людей, точно так же как и любая ненаписанная картина превосходит

МОЮ МАЗНЮ».

Трудно согласиться с такого рода теоретизированием о бывалом человеке. А завидовать человеку, у которого жена гейша, не пристало учителю. Пожалуй, единственное, что здесь верно – это критический подход к своему творению.

Однако, несмотря на то что хозяин правильно оценил свои возможности, ему не удалось окончательно избавиться от излишней самонадеянности. И через два дня, четвертого декабря, он сделал в дневнике еще одну запись:

«Прошлой ночью мне приснилось, будто бы я решил, что из моей картины все-таки ничего не выйдет, и выбросил ее. Но кто-то подобрал картину, вставил в прекрасную рамку и повесил на стену. Потом вижу, будто я стою перед своей картиной в полном одиночестве и думаю: “Вот я и стал признанным художником! До чего же это приятно! Уж если мою картину повесили на стену, то она и вправду, наверное, хороша”. Но ночь прошла, рассвело, и с первыми лучами солнца я понял, что по-прежнему бездарен».

Хозяин даже во сне не мог забыть о своей картине. Выходит, что художник не может стать даже бывалым человеком, одним из тех, кого называют «учеными мужами».

На следующий день, после того как хозяину пригрезилась во сне картина, его навестил тот самый искусствовед в золотых очках. Он уже давно не навещал нас. Войдя в комнату,

он прежде всего спросил:

– Ну, как картина?

– Я последовал твоему совету и все время старался рисовать с натуры, – с деланным спокойствием ответил хозяин. – И знаешь, рисуя с натуры, я, кажется, научился улавливать тончайшие оттенки в игре красок, замечать самые незначительные детали предметов. Раньше у меня этого не получалось. На Западе издревле уделяют большое внимание рисованию с натуры, потому-то там и достигли такого совершенства. О, великий Андреа дель Сарто!

Казалось, хозяин совсем забыл о том, какую запись он сделал в дневнике всего несколько дней назад.

Искусствовед засмеялся.

– Ты знаешь, я все это говорил просто так. – И почесал затылок.

– Что «это»? – воскликнул хозяин, все еще не замечая издевки.

– Да о том самом Андреа дель Сарто, которым ты так восхищаешься. Я все это выдумал. Мне и в голову не приходило, что ты так серьезно относишься к занятиям живописью. – И, в восторге от своей выдумки, он громко захохотал: – Ха-ха-ха!

Я был на галерее, слышал весь этот разговор и никак не мог себе представить, какая запись появится в дневнике сегодня.

Искусствовед любил пошутить, и для этого он прибегал к

самым невероятным уловкам.

Кажется, ему было невдомек, что разговор об Андреа дель Сарто проник в самые сокровенные уголки души моего хозяина, и он с самодовольным видом произнес:

– До чего бывает комично, когда человек всерьез принимает шутку. Люблю посмеяться. Недавно я сообщил одному студенту, что Николас Никльби⁷ посоветовал Гиббону не писать его «Историю французской революции», которая является величайшим произведением того времени, на французском языке, и книга была издана на английском. У этого студента чертовски хорошая память, и до чего же было забавно, когда он серьезно, слово в слово, повторил это на заседании Общества японской литературы. На заседании присутствовало около ста человек, и ни у кого не возникло даже тени сомнения. А вот еще один любопытный анекдот. Недавно в присутствии известного литературоведа зашла речь об историческом романе Гаррисона «Теофано». Я возьми да и скажи, что из всех исторических романов этот самый лучший, что особенно сильно написан эпизод, в котором говорится о смерти героини, от него веет чем-то демоническим. Так этот самый почтенный господин – он сидел как раз напротив меня – нет чтобы сразу признать, что, мол, «не знаю», «не читал», стал говорить: «Да, да, это поистине великолепное место». Ну, я сразу же понял, что он, подобно мне, не

⁷ Николас Никльби – персонаж романа Чарльза Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби», написанного в 1839 году.

читал этого романа.

У моего нервного впечатлительного хозяина глаза полезли на лоб:

– Ну, а если ты скажешь что-нибудь просто так наобум, а твой собеседник читал об этом. Что тогда?

По-видимому, он считает, что вообще-то людей дурачить можно и неудобно бывает лишь тогда, когда тебя уличат во лжи.

Искусствовед, несколько не смутившись, ответил:

– В таком случае бывает достаточно сказать, что спутал с какой-нибудь другой книгой или еще что-нибудь в этом роде. – И захохотал.

Хоть этот искусствовед и носит очки в золотой оправе, характером своим он очень походит на Куро. Хозяин молча курил, пуская кольца дыма, а выражение его лица как бы говорило: «Ну, сам-то я на такую дерзость ни за что бы не решился». В веселых глазах гостя угадывался ответ: «В таком случае тебе и рисовать нельзя». Вслух же он сказал:

– Однако шутки шутками, а живопись действительно очень сложная штука. Говорят, что Леонардо да Винчи заставлял своих учеников срисовывать пятна со стен храмов. Попробуй сам, когда идешь в уборную, повнимательнее присмотреться к стенам, на которых проступают пятна от сырости. Тогда увидишь, какие великолепные узоры рисует природа. Попробуй тщательно их срисовать, должно получиться что-нибудь интересное.

– Ты опять, наверное, меня обманываешь.

– Нет, нет, уж это-то правда. И потом, разве не оригинальная мысль? Как раз в духе да Винчи.

– И верно, оригинально, – уже наполовину сдавшись, сказал хозяин. Но переносить свою студию в уборную он, кажется, пока не собирался.

Вскоре после этого разговора я встретился с Куро. Он стал прихрамывать на одну лапу, его когда-то лоснящаяся шкурка потеряла свой блеск и облезла. Глаза, прежде казавшиеся мне прекраснее янтаря, гноились. Но самое главное – он утратил былую бодрость духа и здорово исхудал. А когда при последней нашей встрече среди чайных кустов я спросил его: «Как поживаешь, Куро?» – он ответил:

– Я по горло сыт и хориной вонью, и коромыслом хозяина рыбной лавки.

Сквозь ветви сосны было видно, как тихо, словно обрывки древних снов, на землю падают красные листья всевозможных оттенков, а розовые кусты дикорастущего чая, которые когда-то осыпали нас своими лепестками, стоят совсем голые. Наступила зима, дни пошли на убыль, в ветвях деревьев постоянно шумит ветер. И я уже не сплю подолгу на галерее.

Хозяин каждый день ходит в школу, а вернувшись домой, сразу же запирается в кабинете. Когда у него кто-нибудь бывает, он говорит, что ему надоело быть учителем. Рисует он теперь тоже редко. Как-то он сказал, что диастаза Така ему мало помогает, и совсем бросил ее пить. Дети, слава богу,

все время ходят в детский сад. Придя домой, они поют, играют в мяч, иногда таскают меня за хвост. Кормят меня теперь гораздо хуже, не растолстеешь. Только благодаря своему хорошему здоровью я до сих пор не умер, но крыс все-таки не ловлю. И продолжаю ненавидеть служанку. Имени у меня по-прежнему нет. Но мало ли чего можно захотеть! Видно, так и придется мне прожить всю свою жизнь в доме этого учителя безымянным котом.

Глава II

В начале этого года мне удалось немного прославиться, и как хорошо, что теперь я, простой кот, могу хоть чуточку задрать нос.

В новогоднее утро хозяин получил открытку. Это было поздравление от какого-то художника, его товарища. Сверху открытка была красной, а снизу – темно-зеленой. Посередине же пастелью было изображено какое-то скорчившееся животное.

Хозяин заперся в кабинете и долго вертел открытку в руках – то так на нее поглядит, то этак, а потом изрек: «Какой приятный цвет». «Пора бы кончать, сколько же можно восхищаться», – подумал я, но он снова и снова принимался разглядывать ее. Извиваясь всем телом, он то вытягивал руку и смотрел на открытку издалека, как смотрят старики в гадательные книги, то поворачивался к окну и подносил ее к самому носу. А я сидел на его трясущихся коленях и думал: «Скорее бы это кончилось, а то я, чего доброго, и свалиться могу, уж очень он разошелся». И тут хозяин тихо спросил: «А что же, собственно говоря, на ней нарисовано?» Цветом-то открытки он восхищался, а вот какое животное на ней изображено, он так и не понял и теперь, кажется, ломает над этим голову. «Неужели такая непонятная открытка», – подумал я и, деликатно приоткрыв глаза, взгля-

нул на нее – несомненно, это был мой портрет! Навряд ли рисовавший его человек подражал подобно хозяину Андреа дель Сарто, но он был настоящим художником, и поэтому все в портрете было правильно – и очертания тела и окраска. Нарисовано было так здорово, что всякий, кто взглянет на открытку, сразу же скажет: «Ну конечно, это кот». А если у этого человека мало-мальски опытный глаз, ему стало бы ясно, что это не просто какая-то кошка, а именно я. Ломать голову над такой очевидной вещью – за одно это человек достоин жалости. Если бы я умел говорить, я бы сказал ему, что на открытке нарисован мой портрет. Да ладно уж, пусть он не узнает, что это именно мой портрет, лишь бы понял, что на открытке изображен кот, а не что-нибудь другое. Но люди – это такие существа, которым не дано понимать наш кошачий язык, и, как ни жаль, я ничем не мог ему помочь.

Хотелось бы обратить внимание читателей на то, что, к сожалению, у людей издавна повелось по любому поводу без всякого зазрения совести говорить обо мне пренебрежительно: «Кот, кот». Среди таких, как, скажем, учителя, которые, не замечая собственного невежества, ходят с самодовольным видом, существует представление, что из отходов, которые остались после производства человека, изготовили лошадей и коров, а уж из коровьего и лошадиного помета сделали кошек, но со стороны это кажется нелепостью. Ведь даже кошку так просто – тяп да ляп – не сделаешь. Стороннему наблюдателю может показаться, что кошки, все без исключения,

не имеют своих индивидуальных характерных особенностей, но стоит ему поближе познакомиться с кошачьим миром, и он увидит его во всей сложности и многообразии, а сказанные о людях слова: «Сто голов – сто умов» – в полной мере применимы к нам. Кошки отличаются друг от друга и выражением глаз, и формой носа, и цветом шерсти, и походкой. У всех кошек и усы растут по-разному, и уши торчат по-особому, не говоря уже о хвостах. Что ни возьми: красоту и уродливость, симпатии и антипатии, искушенность и неискушенность в жизни – во всех случаях можно сказать лишь одно: «Бесконечное разнообразие». И все же, несмотря на то что кошки отличаются друг от друга своими ярко выраженными особенностями, люди, к сожалению, этого не замечают, они не различают нас даже по чисто внешним признакам, не говоря уже о характерах. Еще бы, ведь они только и говорят что о росте, прогрессе и еще о чем-то, а поэтому их глаза постоянно устремлены в небо.

С давних пор существует поговорка: «Свой своего разумеет», поэтому на моти есть мотия⁸, а на кошачьи дела – кошка, и когда речь заходит о кошках, то никому, кроме самих кошек, этого не понять. Людям же, как бы далеко они ни ушли в своем развитии, это не под силу. Более того, если говорить правду, им трудно понять кошек еще и потому, что они далеко не так умны, как думают сами. А о таких, как

⁸ Моти – рисовая лепешка. Мотия – человек, занимающийся приготовлением и продажей рисовых лепешек.

мой хозяин, который не отличается состраданием к людям, и говорить не приходится, ведь он не понимает даже того, что полное взаимопонимание – неперемненное условие любви. Спрятался как упрямая улитка в своем кабинете и носа оттуда не кажет, словом ни с кем не перемолвится. Поэтому бывает весьма забавно смотреть, когда он делает вид, словно нет в мире более мудрого человека, чем он. А он вовсе и не мудр. Доказательством этому может служить хотя бы то, что он, разглядывая мой портрет, так ничего в нем и не понял. Однако он счел необходимым напустить на себя важность и гордо изрек бессмысленную фразу: «Здесь, очевидно, нарисован медведь, поскольку наступил второй год войны с Россией».

Так размышлял я, лежа с закрытыми глазами на коленях у хозяина, как вдруг явилась служанка и подала хозяину еще одну открытку. На этой открытке были изображены сидящие за столом четыре кошки заморской породы. В лапах у них карандаши, перед глазами раскрытые книги. А еще одна кошка отплясывала на углу стола европейский вариант кошачьего танца «Ты говоришь, что я кошка». Вверху чернела сделанная японской тушью надпись: «Я – кот», а справа было даже написано хайку:

О первый день весны,
Когда читают кошки книги
И пляшут вволю.

Эту открытку прислал бывший ученик хозяина, и хотя смысл ее можно было уразуметь с первого взгляда, мой глупый хозяин все еще, кажется, ничего не понимал, он только покачал головой и промолвил: «Как, разве сейчас год кошки?» Видимо, до него пока не дошло, что я так прославился.

А служанка тем временем принесла третью открытку, на этот раз без картинки. В ней говорилось: «Поздравляю с Новым годом», а сбоку была сделана приписка: «Покорнейше прошу извинить за беспокойство, но если вас не затруднит, то будьте любезны передать привет Вашему коту». Даже хозяину, как бы он ни был глуп, станет понятно, когда написано так прямо. Наконец-то он, кажется, сообразил, в чем тут дело, и с возгласом удивления обратил взгляд в мою сторону. Выражение глаз у него в эту минуту было необычным, и мне показалось, что в них промелькнуло даже некоторое уважение. «Да это и понятно, – подумал я, – еще бы, ведь только благодаря мне мой доселе безвестный хозяин вдруг удостоился такой чести».

Как раз в эту минуту зазвенел колокольчик на воротах: «динь, динь, ди-и-инь». Гости, наверное. Пусть служанка или еще кто-нибудь встретит их. Я решил выходить, только когда приходит Умэко из закусочной, и поэтому продолжал спокойно сидеть на коленях у хозяина. А тот смотрел в сторону прихожей с таким беспокойством, словно оттуда вот-вот должен появиться, ну, скажем, ростовщик. Казалось, ему очень неприятно принимать гостей и распивать с ними сакэ.

Если бы у человека была только такая странность, то лучше-го бы и желать не нужно. В таком случае уйди он пораньше из дому, и все в порядке. Но у хозяина на это не хватило смелости – сказалась натура улитки. Через некоторое время вошла служанка и доложила: «Кангэцу-сан пожаловал». Этот Кангэцу тоже когда-то учился у хозяина, но теперь он уже окончил университет, и ходит слух, что во всех отношениях он более достойный человек, чем его учитель. Непонятно почему, но он частенько заходит к хозяину. Придет и говорит-говорит без умолку, да все о том, есть ли женщины, которые любят его, или нет, интересна жизнь или скучна; наговорит таких мрачных, с эротическим привкусом фраз и уходит. Я никак не возьму в толк, зачем это он приходит толковать о подобных вещах с таким сухарем, как мой хозяин, и очень забавно видеть, как этот человек-улитка внимательно слушает его и время от времени поддакивает.

– Давно уже не был у вас. По правде сказать, все собирался: «Зайду, зайду», но с конца декабря у меня уйма дел, и в ваших краях не довелось побывать... – загадочно произнес гость, покручивая шнурок от хаори.

– А в каких же краях тебе пришлось бывать? – с серьезным видом спросил хозяин и начал теревить рукава своего черного хаори с гербами. Хаори было хлопчатобумажным, из-под его коротких рукавов на целых пять бу выглядывало кимоно из шелка.

Кангэцу-кун засмеялся:

– Хе-хе-хе, да так, все в других краях... – И тут я заметил, что сегодня у него не хватает одного переднего зуба.

– Послушай, а что с твоим зубом? – Хозяин перевел разговор на другую тему.

– Да вот, ел в одном месте грибы...

– Что ел?

– Грибы. Только собрался было откусить шляпку, а зуб хруп! – и вылетел.

– Оказывается, о грибы можно сломать зубы. Что же это творится на белом свете! Ты как старик. Темой для хайку это еще может, наверное, стать, а в делах любовных никуда не годится, – промолвил хозяин, тихонько похлопывая меня ладонью по голове.

– А, это все тот же кот? Здорово он разжирел, теперь не уступит даже Куро. Хорош, – принялся нахваливать меня Кангэцу-кун.

– Да, за последнее время он сильно вырос, – ответил хозяин и с самодовольным видом похлопал меня по голове. От похвал я почувствовал прилив гордости, но голове было немного больно.

– Позавчера вечером мы устроили небольшой концерт, – вернулся Кангэцу-кун к первоначальному разговору.

– Где?

– Вам, наверное, не интересно знать где. Было очень мило – три скрипки, аккомпанемент на рояле. А когда скрипок целых три, то даже при плохом исполнении слушать все-таки

можно. На двух играли женщины, а я затесался между ними. Мне даже показалось, что мы играли хорошо.

– Кто же эти женщины? – с завистью спросил хозяин.

Обычно выражение его лица напоминало твердый заплесневевший сухарь, но он вовсе не был равнодушен к женщинам. Однажды он читал какой-то западный роман о человеке, который влюблялся почти в каждую женщину, с которой ему приходилось встречаться. Когда хозяин дошел до того места, где автор с иронией замечает: «Подсчитать, так он влюблялся немногим меньше, чем в семьдесят процентов встречавшихся ему на улице женщин», он с восхищением воскликнул: «А ведь и правда!» Вот он какой, мой хозяин. И мне, коту, совсем непонятно, как может столь ветреный человек жить подобно улитке! Одни говорят, что он стал таким из-за несчастной любви, другие – что из-за большого желудка, а третьи – что по причине бедности и робкого характера. В конце концов, неважно почему – ведь здесь речь идет не о человеке, который бы оказывал влияние на ход истории эпохи Мэйдзи⁹. Важно, что мой хозяин с завистью расспрашивал Кангэцу-куна о женщинах, с которыми тот имел дело.

А Кангэцу-кун между тем выловил из кутитори¹⁰ кусочек рыбы, поднес его ко рту и с удовольствием впился в него зубами. Я боялся, как бы он не сломал себе еще один зуб, но на сей раз все обошлось благополучно.

⁹ Эпоха Мэйдзи – годы правления императора Мэйдзи (1868–1912).

¹⁰ Кутитори – закуска к вину.

– А эти две барышни из благородных семей. Вы их не знаете, – произнес он безучастным тоном.

– Во-о-от... – протянул хозяин и, не досказав «как», задумался.

Кангэцу-кун, вероятно, решил, что наступил подходящий момент, и предложил:

– Погода сегодня хороша... Не пойти ли нам погулять, если вы, конечно, не заняты. В городе сегодня очень весело – Порт-Артур пал.

Некоторое время хозяин пребывал в раздумье. По лицу его было видно, что его больше интересуют эти женщины, чем падение Порт-Артура. И наконец, словно собравшись с силами, он решительно поднялся:

– Ну что ж, идем.

Прямо поверх черного хлопчатобумажного хаори с гербами он надел кимоно из цумуги¹¹ на вате. Кимоно это лет двадцать тому назад досталось хозяину в наследство, кажется, от старшего брата. Каким бы прочным ни было цумуги, оно не может носиться так долго. Местами кимоно проносилось настолько, что на свет можно было разглядеть дырочки, которые оставляла игла, когда с изнанки накладывались заплатки. И в праздники, и в будни хозяин носил одну и ту же одежду. И дома, и на людях он носил одно и то же кимоно. Когда ему нужно было куда-нибудь пойти, он просто засовывал руки за пазуху, вставал и шел. Я так и не понял, то ли у него не

¹¹ Цумуги – шелковая ткань.

было другой одежды, то ли была, но он, считая переодевание слишком хлопотливым занятием, не носил ее. Я не думаю, что такое поведение – результат только несчастной любви.

Когда хозяин и его гость ушли, я немного поступился правилами приличия и доел оставшиеся у Кангэцу-куна на тарелке кусочки рыбы. В эту минуту я тоже был необычным котом. Мне казалось, что я в полной мере обладаю достоинством, скажем, кота Момокава Дзёэн¹² или воровавшего золотых рыбок кота Грэя. Таких, как Куро, я во внимание не принимаю. Вряд ли кто-нибудь упрекнет меня за то, что я съел какой-то кусочек рыбы. К тому же привычка есть в неуточное время, тайком от других, свойственна не только нам – кошкам. Наша служанка частенько, когда хозяйки нет дома, нарушая правила приличия, ворует и ест сладкие моти, а съев одно, тут же тянется за другим. Да не одна служанка. Такая привычка свойственна даже детям, хотя хозяйка повсюду раззвонила, что ее дочери получают прекрасное воспитание. Вот что случилось несколько дней назад. Дети проснулись страшно рано и, пока отец и мать еще спали, уселись друг против друга за обеденный стол. Обычно они каждое утро съедают по несколько кусочков хлеба – у нас его ест хозяин, – посыпанных сахаром, но в этот день сахарница стояла на столе, а возле нее лежали ложки. Рядом никого, кто бы дал им, как обычно, сахар, не оказалось, и старшая

¹² Момокава Дзёэн (1832–1898) – известный японский рассказчик. Им собрано свыше сорока разных историй о кошках.

девочка, недолго думая, зачерпнула полную ложку песку и высыпала его к себе на тарелку. Младшая последовала примеру старшей сестры и сделала то же. С минуту они бросали друг на друга злобные взгляды, потом старшая зачерпнула еще одну полную ложку и высыпала к себе на тарелку. Младшая тут же взяла свою долю, стараясь не отставать от сестры. Старшая опять потянулась к сахарнице, но младшая не отставала. Как только старшая сестра протягивала руку к сахарнице, младшая бралась за ложку. Через несколько минут на тарелках у обеих образовались горки из сахара, а сахарница опустела. И как раз в этот момент из спальни, протирая глаза, вышел хозяин и пересыпал обратно в сахарницу только что вычерпанный оттуда сахар. Наблюдая за этой картиной, я подумал: «В чувстве равенства, которое основано на эгоизме, люди, может быть, превосходят кошек, а вот что касается ума, то тут они, наоборот, уступают кошкам. Чем накладывать такую гору сахара, лучше было бы съесть его побыстрее – и все». Но люди не понимают того, что я говорю, и мне только оставалось молча, с сожалением наблюдать за происходящим, сидя на охати¹³.

Интересно, где гулял хозяин в тот вечер, когда он ушел из дому вместе с Кангэцу-куном? Вернулся он поздно вечером, к столу на другой день вышел только в девять часов. Я сидел все на том же охати и смотрел, как хозяин молча ел дзони¹⁴.

¹³ Охати – кадочка, где хранится вареный рис.

¹⁴ Дзони – традиционное новогоднее блюдо, готовится из лепешек моти, мяса

Одна чашка дзони сменяла другую. Плававшие в дзони кусочки моти были невелики, но хозяин, съев всего шесть или семь кусочков, отложил хаси¹⁵: «Ну, хватит». Другим он ни за что не позволил бы оставить еду в миске, ему же, как главе семьи, все было можно. Он лишь поглядел самодовольно на плавающие в мутном соусе остатки подгоревшего моти и приобрел еще более важный вид. Когда хозяйка достала из стенного шкафчика и поставила на стол диастазу Така, он сказал:

– Не буду я ее пить, все равно не помогает.

– Послушайте, ведь говорят, что она очень хорошо действует, когда употребляешь пищу, где много крахмала, – принялась упрашивать его жена.

Но он заупрямился:

– Хоть крахмал, хоть что – не буду.

– До чего же вы непостоянны, – сказала хозяйка словно про себя.

– Что значит «непостоянный»? Это лекарство не помогает.

– Но вы же еще недавно говорили: «Действует, действует» – и пили его каждый день.

– Раньше действовало, а теперь не действует, – последовал ответ.

– Если то пить, то бросать, как вы, – нечего надеяться, что

и овощей.

¹⁵ Хаси – палочки для еды.

лекарство поможет, каким бы хорошим оно ни было. Наберитесь еще немного терпения, а то желудок ни за что не вылечите – ведь это не то что другие болезни, – сказала хозяйка и оглянулась на служанку, которая стояла подле нее с подносом в руках. Та сразу же стала на сторону хозяйки:

– И то правда. Попробуйте попить еще немного, а то и не узнаете, хорошее лекарство или плохое.

– Ну и ладно, сказал «не буду» – значит, не буду. И что могут понимать бабы, молчите уж лучше!

– Хорошо, пусть я буду баба, – сказала хозяйка и пододвинула диастазу к мужу, – очевидно, она все-таки решила настоять на своем.

Хозяин, не говоря ни слова, поднялся и ушел в кабинет. Жена и служанка переглянулись и рассмеялись. Я не решился последовать за хозяином в кабинет, чтобы там, по обыкновению, расположиться у него на коленях. Я опасался хозяйского гнева, а поэтому тихонько обошел дом со двора, поднялся на галерею и оттуда заглянул через щелочку в кабинет – хозяин сидел, раскрыв перед собой книгу, автора которой звали, кажется, Эпиктетом¹⁶. Ну, если на сей раз он разбирался в написанном как обычно, то он действительно умный человек. Через пять-шесть минут, как я и ожидал, он с шумом швырнул книгу на стол. Я продолжал внимательно следить за хозяином. На этот раз он достал дневник и напи-

¹⁶ Эпиктет (ок. 50– ок. 138 гг.) – греческий философ, один из представителей позднего стоицизма.

сал следующее:

«Гулял вместе с Кангэцу в Нэдзу, Уэно, по Икэ-но-Хате и в окрестностях Канды. Перед чайным домиком, что на Икэ-но-Хате, гейша в новогоднем кимоно с красивыми узорами играла в волан. Одежда-то у нее нарядная, но лицо такое страшное, вроде как у моего кота».

Наверное, можно было бы и не называть именно меня как образец страшилища. Пойди я в парикмахерскую «Китадо-но» да побрейся там, – наверное, и не так бы уж сильно стал отличаться от человека. Вечно приходится страдать из-за людского зазнайства.

* * *

«Когда мы заворачивали за угол магазина “Хотан”, на встречу нам опять попалась гейша. У нее была очень хорошая фигура – стройная, плечи покатые. В своем скромном бледно-лиловом кимоно она выглядела весьма элегантно. Обнажив в улыбке белые зубы, она сказала: “Гэн-тян, вчера я была занята и поэтому...” Голос у нее был хриплый, как у бродячей вороны, и она уже не казалась мне красивой. Было лень даже оглянуться, чтобы посмотреть, кто же такой этот Гэн-тян, и, не вынимая рук из-за пазухи, я вышел на Онаримити. Кангэцу-кун, кажется, куда-то спешил».

Ничто так не трудно для понимания, как человеческая психология. Попробуй-ка разберись, то ли хозяин сердится, то ли веселится, то ли ищет единственное утешение в трудах философа. Вот и я никак не возьму в толк: не то он сардонически смеется над этим миром, не то хочет целиком раствориться в нем, не то впал в раздражение при виде разных нелепостей, не то вообще отрешился от всего мирского. Кошки в этом отношении куда проще. Захочется есть – едят, захочется спать – ложатся спать, если злятся – так уж от души, если плачут – так отчаянно. И, главное, у кошек никогда не бывает таких ненужных вещей, как дневники, потому что в них нет никакой необходимости. У людей, живущих подобно моему хозяину двойной жизнью, может быть, и есть потребность хотя бы в дневнике выразить втайне от других те стороны своей натуры, которые нельзя выставлять напоказ. Что же касается нас, кошек, то я думаю, не стоит стремиться сохранить свой престиж ценой таких хлопот – ведь вся наша жизнь: и то, как мы ходим, как сидим и спим, и то, как испражняемся и мочимся – настоящий дневник. Куда лучше поспать на галерее, вместо того чтобы писать дневник.

«В Канде мы зашли в небольшой ресторанчик-беседку и там поужинали. После продолжительного перерыва я снова выпил несколько чашечек сакэ, и сегодня утром желудок совсем не болел. По-моему, при больном желудке самое лучшее – пить за ужином сакэ. Диастаза, безусловно, никуда не

годится. Все, больше не буду ее пить, что бы там ни говорили. Если уж раньше не помогло, то теперь и подавно не может».

Что-то слишком он ополчился на диастазу. Точно бранится сам с собой. Как поругался утром с женой, так до сих пор не может успокоиться. Очевидно, в этом-то и состоит основная особенность человеческих дневников.

«Недавно А сказал, что моя болезнь может пойти на поправку, если я перестану завтракать. Попробовал несколько дней не позавтракать – пользы никакой, только в животе бурчало. В посоветовал во что бы то ни стало отказаться от маринованных овощей. По его теории причина всех желудочных заболеваний кроется в соленьях. Он выдвинул такой довод: “Ты только перестань есть соленья, тогда иссякнет источник болезни и, несомненно, наступит полное выздоровление”. Я целую неделю даже не прикасался к маринованным овощам, но никакого особого улучшения не наступило, и недавно я снова стал их есть. Я обращался к С, и тот сказал: “Единственное, что может помочь – так это массаж живота. Но массаж непростой. Можно излечиться от большинства желудочных заболеваний, если тебя раз-другой помассируют старинным способом ‘Минагава’. Ясуи Соккэн¹⁷ тоже очень любил этот вид массажа. И даже такой богатырь, как

¹⁷ Ясуи Соккэн (1799–1876) – конфуцианский ученый.

Сакамото Рюма¹⁸, иногда прибегал к нему”. Я немедленно отправился к Каминэгиси, где и принял сеанс. Массировали меня жестоко да еще приговаривали: “Все кости не перемять – не поправишься, все кишки не перевернуть – не выздоровеешь”. После такого массажа мышцы напоминают вату и возникает такое ощущение, как будто ты впал в летаргический сон. Я не мог этого вынести и решил отказаться от такого метода лечения. А-кун сказал: “Ни в коем случае не ешь грубую пищу”. Я попробовал целый день прожить на одном молоке. В животе булькало, и я всю ночь не сомкнул глаз, все думал: “Уж не наводнение ли началось?” В-кун сказал: “Если дышать глубоко, всей грудью, то внутренности придут в движение, и, естественно, желудок будет работать хорошо. Попробуй и ты”. Испытал я более или менее и это средство, для живота от него было одно беспокойство. Время от времени я спохватывался и принимался усиленно дышать, вкладывая в это занятие всю душу, но через пять-шесть минут уже забывал о лечении. “Все, теперь уже больше не забуду”, – думал я, сосредотачивал все внимание на диафрагме и уже не мог ни читать, ни писать. Искусствовед Мэйтэй как-то застал меня за этим занятием и давай издеваться: “Мужчина в родовых схватках! Да брось ты это”. Я и бросил. Сэнсэй сказал, что при несварении хорошо помогает гречневая лапша.

¹⁸ Сакамото Рюма (1835–1867) – самурай из княжества Тоса, организатор союза между княжествами Сацума и Тёсю в борьбе за восстановление императорской власти.

Я принялся поглощать ее в огромных количествах и в разных видах: и залитую соусом, и сваренную на пару. А толку никакого, только понос прохватил. Я перепробовал все возможные средства, чтобы излечиться от своего хронического несварения, – все впустую. А вот три чашечки сакэ, выпитые вчера вместе с Кангэцу, подействовали. Теперь каждый вечер буду выпивать по две, по три чашки».

Навряд ли и это будет продолжаться долго. Настроение хозяина что цвет моих глаз – все время меняется. Такой уж он человек: за что бы ни взялся, никогда не доведет до конца. Всего же забавнее то, что на страницах дневника он беспокоится о своем желудке, а на людях делает вид, что абсолютно здоров. Недавно к нему приходил его товарищ, какой-то ученый. У этого ученого своеобразные взгляды на вещи. Он высказал предположение, что все наши болезни – это расплата за грехи предков и наши собственные. Видимо, он немало поработал над этой проблемой, потому что сумел вывести великолепную, стройную теорию с убедительными доводами. Жаль, хозяину не хватает ни ума, ни знаний, чтобы полностью опровергнуть эту теорию, однако он сам страдает от несварения желудка, а поэтому, видимо, решил как-нибудь доказать, что за ним нет никаких грехов, и тем самым поддержать свой престиж. «Твоя теория интересна, но и у Карлейля было несварение желудка», – невпопад вставил он таким тоном, словно оттого, что Карлейль страдал

несварением желудка, и его собственное несварение удостоится почестей. Друг принялся распекать его: «Если Карлейль страдал несварением, то это еще не значит, что всякий желудочный больной сможет стать Карлейлем». Хозяину ничего не оставалось, как промолчать. Даже смешно: уж такой тщеславный человек и то, кажется, понимает, что лучше избавиться от несварения, и с сегодняшнего вечера начинает пить за ужином сакэ. Если хорошенько вдуматься, то и дзони он утром съел так много, наверное, потому, что вчера пропустил с Кангэцу-куном несколько чашечек сакэ. Мне тоже захотелось попробовать дзони.

Я – кот, но в еде неразборчив. Я не обладаю энергией, достаточной для того, чтобы, подобно Куро, совершать набеги на закусочную в переулке. Я, конечно, не могу сказать, что живу в такой же роскоши, в какой живет Микэ у учительницы игры на кото¹⁹. Вопреки ожиданиям, я ем все подряд. Я подбираю и крошки, которые падают на пол, когда дети едят хлеб, люблю полизать и сладкую начинку для моти. Маринованные овощи очень невкусны, но для того, чтобы иметь о них представление, я как-то даже съел два кусочка маринованной редьки. Как ни странно, я могу есть почти все. «И то не люблю, и это не нравится» – так привередничать можно только при роскошной жизни, а котам, живущим в доме учителя, так говорить не приходится.

¹⁹ Кото – японский национальный тринадцатиструнный музыкальный инструмент.

По словам хозяина, во Франции жил романист по имени Бальзак. Этот человек был очень привередлив... правда, привередлив не в смысле еды, а в отношении своих произведений, поскольку он был писателем. Однажды ему нужно было придумать имя для одного из персонажей его нового романа. Много имен он перебрал, но ни одно из них ему не понравилось. Вскоре к нему зашел друг и пригласил пойти прогуляться. Бальзак охотно принял приглашение, так как заодно надеялся подыскать наконец имя, над которым так долго ломал себе голову. Когда друзья шли по улице, Бальзак только и делал, что смотрел на вывески магазинов. Но ни одно имя ему не нравилось. Так он ходил очень долго, таская за собой друга, который, ничего не понимая, покорно следовал за ним. Их путешествие по улицам Парижа продолжалось с утра до вечера. И уже на обратном пути Бальзаку вдруг бросилась в глаза вывеска на портняжной мастерской. На вывеске было написано имя «Маркас». Бальзак хлопнул в ладоши и воскликнул: «Вот оно, только оно, и никакое другое. Прекрасное имя: Маркас. Поставить перед ним инициал З, и будет замечательно. А без З нельзя. З. Маркас! И правда здорово. В имени, которое придумываешь сам, всегда чувствуется какая-то искусственность, каким бы подходящим оно тебе ни казалось. В том-то и беда. Наконец я нашел нужное имя». В этой, одному ему понятной, радости он совсем не замечал растерянного вида товарища. Очень хлопотливое это дело — давать имена героям романа: целый день

нужно бродить по Парижу.

Великая вещь – прихотливость, когда она проявляется в подобной форме, но когда живешь в доме человека-улитки, привередничать не приходится. Неприхотливость в еде тоже обусловлена моим положением. И дзони я решил сейчас поесть вовсе не потому, что мне его так захотелось. Просто руководствуясь правилом: «наедайся впрок, когда есть возможность поесть», я подумал: «А не осталось ли на кухне недоеденное хозяином дзони?... Схожу-ка на кухню...»

В чашке я обнаружил те же пригоревшие ко дну кусочки моти, которые видел утром. Признаться, до сегодняшнего дня мне ни разу не приходилось есть моти. На вид оно казалось вкусным, но вместе с тем будило какую-то неуловимую тревогу. Передней лапой я царапнул лежавший сверху лист капусты и отодвинул его в сторону. К когтям прилипла корочка от моти. Понюхал – запах точь-в-точь какой бывает, когда сваренный рис перекладывают из котла в охати. «Съесть или не надо?» – подумал я и оглянулся по сторонам. К счастью, а может, к несчастью, поблизости никого не было. Кухарка – она даже не нарядилась по случаю праздника, словно ей было безразлично, Новый год сейчас или нет, – играла в волан. Дети распевали в гостиной: «Что ты, зайчик, говоришь?» Ну, если съесть, то сейчас! Упущу случай, придется ждать до будущего года, так и не узнав, что собой представляет моти. И в эту минуту я, простой кот, постиг одну истину: «редко выпадающий случай заставляет всех живот-

ных смело делать даже то, что им не нравится». По правде говоря, мне не так уж и хотелось дзони. Более того, чем больше я смотрел в чашку, тем тревожнее становилось у меня на душе, и не было никакой охоты приниматься за еду. Появись в это время на пороге черного хода кухарка или услышь я звуки приближающихся шагов детей, отвернулся бы от этой чашки безо всякого сожаления и не вспомнил бы, наверное, о дзони еще целый год. Но сколько я ни ждал, никто не пришел, никто. У меня было такое состояние, словно какой-то внутренний голос приказывал: «Ешь скорее, ешь». Продолжая заглядывать в чашку, я думал: «Хоть бы побыстрее кто-нибудь пришел». Но по-прежнему никто не приходил.

Итак, нужно приниматься за дзони. И я, словно собираясь броситься в омут, ринулся к чашке, и в мгновение ока кусок моти оказался у меня во рту. Схватив моти столь стремительно, я должен бы был немедленно проглотить его, но — о ужас! — оказалось, что я не могу отодрать моти от зубов. «Попробую-ка еще раз», — решил я, но на этот раз не смог даже двинуть челюстью. «В моти сидит дьявол», — догадался я, но было уже поздно. Подобно тому как человек, попавший в болото, погружается все глубже и глубже при каждой попытке выбраться из него, чем больше я старался избавиться от моти, тем труднее становилось раскрывать рот и двигать зубами. Как-то искусствовед Мэйтэй-сэнсэй сказал моему хозяину: «Тебя трудно раскусить». Хорошо сказано. Это моти, как и хозяйина, трудно раскусить. Я старался изо всех

сил, и мне уже начало казаться, что никогда, во веки веков, подобно делению десяти на три, моим мучениям не будет конца. И в этих мучениях я невольно познал вторую истину: «Все животные интуитивно чувствуют, что им враждебно, а что нет».

Я уже открыл две истины, но из-за того, что во рту у меня застряло моти, не испытал никакой радости. Моти прочно завладело моими зубами, и это причиняло такую боль, словно у меня вытаскивали одновременно все зубы. Надо быстрее кончать с моти и бежать, а то явится кухарка. Пение детей тоже, кажется, стихло, не иначе сейчас они прибегут на кухню. Когда мучения достигли своего апогея, я принялся быстро вертеть хвостом, но это не приносило облегчения; тогда я стал двигать ушами: то поставлю их торчком, то плотно прижму к голове – и это не помогло. Подумал я немного и сообразил, что уши и хвост не имеют никакого отношения к моти. Короче говоря, я понял, что напрасно вертеть хвостом, напрасно ставить торчком уши, напрасно прижимать их к голове, и прекратил это занятие. Наконец меня осенило: «Освободиться от моти можно только при помощи передних лап». Прежде всего я поднял правую лапу и провел ею вокруг рта. Для того чтобы оторвать моти от зубов, этого оказалось недостаточно. Тогда я вытянул правую лапу и попытался резко очертить ею круг, центром которого был рот. Но дьявол этой ворожбы не испугался. «Главное – терпение, – подумал я и принялся махать попеременно то левой, то пра-

вой лапой, но зубы по-прежнему были в тисках моти. – Ну и морока». Теперь я пустил в ход сразу обе лапы. И тут только, к своему удивлению, я обнаружил, что могу стоять на одних задних лапах. Возникло такое ощущение, словно я уже и не кот. «Разве в такую минуту имеет значение, кто я – кот или нет? Прежде всего нужно избавиться от дьявола в образе моти», – и, охваченный этим стремлением, я принялся неистово царапать себе морду. Движения моих передних лап были очень резкими, и я то и дело терял равновесие и чуть не падал. Чтобы не упасть, приходилось все время переступать задними лапами, поэтому я не мог оставаться на одном месте и носился по кухне – взад-вперед, взад-вперед. «Я и вдруг могу так ловко стоять на задних лапах», – подумал я. В голове стремительно и отчетливо возникла третья истина: «Когда грозит опасность, ты способен сделать то, чего ни за что не сделаешь в обычных условиях. Это называют божьей помощью».

Осчастливленный божьей помощью, я изо всех сил продолжал сражаться с дьяволом, что сидел в моти. Но что такое? Послышались шаги, я почувствовал, что кто-то направляется к кухне. «Ужасно, если меня здесь застанут», – подумал я и забегал по кухне, распаляясь еще больше. Шаги приближались все быстрее. Какая жалость, чуть-чуть не хватило божьей помощи. Вот дети увидели меня. «Ой, посмотрите! Наелся дзони и теперь танцует», – громко закричали они. Кухарка первая услышала их. Отшвырнув волан и ракетку, с

криком «ах разбойник!» она бросилась в дом через черный ход. Появилась хозяйка в крепдешиновом кимоно с гербами и промолвила: «Какой гадкий кот». Даже хозяин вышел из кабинета и сказал: «Черт бы тебя побрал». Только дети кричали: «Интересно, интересно». Потом все, словно сговорившись, громко расхохотались. Я задыхался от гнева и горечи, казалось, силы вот-вот покинут меня, а я все продолжал танцевать по кухне. Постепенно смех начал стихать, но тут девочка, та, которой было пять лет, сказала: «Мама, а кот-то совсем глупый», – и тотчас же подобно всплескам, которые бывают на море уже после того, как утихнет буря, раздался новый взрыв хохота. Мне много раз приходилось быть свидетелем неблагоприятных человеческих поступков, но еще ни разу я не испытывал к людям такой ненависти, которая возникла у меня в душе в этот момент.

В конце концов божья помощь меня обманула, я вернулся в свое обычное положение, то есть опустился на четыре лапы, и почувствовал такую усталость, что закатил глаза. Хозяину, конечно, не хотелось, чтобы я умер у него на глазах, и он приказал кухарке: «Вытащи у него изо рта моти». Та взглянула на хозяйку, как бы спрашивая: «Может, не трогать его, пусть еще потанцует?» Хозяйке хотелось еще посмотреть, как я танцую, но она боялась стать причиной моей гибели, поэтому промолчала. «Вынимай, а то сдохнет – скорее вынимай», – и хозяин снова оглянулся на кухарку. Кухарка с равнодушным видом, словно пробудившись от волшебного-

го сна, подошла ко мне, схватила меня за морду и вытащила моти. Я не Кангэцу-кун, но мне показалось, что я лишился передних зубов. А о том, что было нестерпимо больно, и говорить не приходится, ведь кухарка дернула моти вместе с прочно завязшими в нем зубами. «Путь к удовольствиям лежит через страдания», – познал я на собственном опыте четвертую истину и как ни в чем не бывало огляделся по сторонам. Вокруг никого уже не было, все ушли в гостиную.

После такого конфуза я не мог оставаться дома ни минуты, стоило этой жестокой женщине, кухарке, только взглянуть в мою сторону, как сразу же на душе у меня становилось очень скверно. «Пойду-ка лучше навещу Микэко, что живет в тупичке у учительницы музыки, развлекусь немного», – решил я и вышел из кухни. Микэко – известная во всей нашей округе красавица. Я всего лишь кот, но в общих чертах понимаю, что такое чувства. Когда, насмотревшись на кислую физиономию хозяина и натерпевшись оскорблений от кухарки, я бываю в подавленном настроении, то обязательно отправляюсь к этому товарищу другого пола, и мы подолгу беседуем о разных вещах. И на сердце незаметно становится легче, забываются все невзгоды и печали, словно заново рождаешься на свет. Великая вещь – женское общество! «Дома ли она?» – подумал я и заглянул через отверстие в изгороди из посаженных плотно друг к другу криптомерий. Микэко чинно восседала на галерее, по случаю праздника на шее у нее был повязан новый бант. Невозможно выразить словами,

как изящен был изгиб ее спины. Воплощение красоты кривой линии! Трудно подобрать правильные сравнения, чтобы описать и плавно изогнутый хвост, и мило подобранные лапки, и то, как она время от времени лениво поводила ушами. Оттого что Микэко, видимо, пригласилась на солнышке и вообще отличалась благородной сдержанностью, она сидела очень спокойно и прямо. И все-таки волоски ее прекрасной шкурки, такой гладкой, что ее легко можно принять за бархат, едва заметно колыхались при полном безветрии, искрась в ярких лучах весеннего солнца. Очарованный ее красотой, я некоторое время безмолвно смотрел на нее. Потом пришел в себя и, помахивая передней лапой, тихонько позвал: «Микэко-сан, Микэко-сан». Микэко воскликнула: «Ах, сэнсэй!» – и спустилась с галереи. «Динь, динь», – зазвенел бубенчик, привязанный к ее красивому банту. Пока я, охваченный восхищением, думал: «О! На Новый год даже бубенчик привязали, очень приятный звук», – Микэко приблизилась ко мне. «Поздравляю вас с Новым годом, сэнсэй», – сказала она и слегка повела хвостом влево. Когда мы, кошки, обмениваемся приветствиями, то поднимаем хвост трубой, а потом вертим им влево. Во всем нашем квартале только Микэко зовет меня «сэнсэем». Как я уже говорил вначале, у меня еще нет имени, но я живу в доме учителя, и поэтому Микэко уважает меня и называет сэнсэем. Я тоже не возражаю, когда меня называют сэнсэем, и с удовольствием откликаюсь на это имя.

– Поздравляю, поздравляю, – ответил я. – Ваш туалет про-

сто изумителен.

– Это мне госпожа учительница купила в конце прошлого года. Правда, неплохо? – И она дернула бубенчик.

– Прекрасный звук! Я отродясь не видывал такой замечательной вещицы.

– Ах, что вы! Сейчас все носят такие. – «Динь, динь», – снова зазвенел бубенчик. – Хороший звук. Я так рада. – «Динь, динь, динь, динь».

Бубенчик звенел, не переставая.

– Видно, ваша хозяйка очень любит вас, – произнес я. За этой фразой скрывалось то смешанное чувство восхищения и зависти, которое охватило меня, когда я сравнил жизнь Микэко со своей.

В ответ наивная Микэко сказала:

– Да, вы угадали, она любит меня совсем как собственного ребенка.

И она простодушно рассмеялась.

Даже кошки могут смеяться. Люди ошибаются, когда думают, что, кроме них, это никому не доступно. Когда я смеюсь, ноздри у меня принимают форму треугольников, а кадык начинает трястись мелкой дрожью. Ну, где же людям заметить это!

– А кто она, собственно говоря, ваша хозяйка?

– Вы спрашиваете, кто моя хозяйка? Странно. Она госпожа учительница. Она обучает игре на тринадцатиструнном кото.

– Это-то и я знаю. Я спрашиваю, из какой она семьи. Во всяком случае, раньше она, наверное, занимала в обществе высокое положение?

– О да!

«Пока я ждала тебя, низкая сосна...» Это за сёдзи²⁰ заиграла на кото госпожа учительница музыки.

– Хороший голос, – гордо промолвила Микэко.

– Кажется, неплохой, но я не очень-то разбираюсь. Вообще, что это?

– Это? Вы спрашиваете, что это такое? Госпожа учительница очень любит эту вещь... Госпоже учительнице уже шестьдесят два. Очень хорошее здоровье, правда?

Раз дожила до шестидесяти двух лет, то, конечно, здоровье должно быть хорошим. Я только протянул: «О-о!» – и замолчал, но что поделаешь, раз я так и не смог придумать какого-нибудь более вразумительного ответа.

– И все-таки она очень знатного происхождения. Она всегда говорит об этом.

– А какого же?

– О, она дочь племянника матери мужа младшей сестры личного секретаря Тэнсёин-сама²¹.

– Что, что?

– Мужа младшей сестры личного секретаря Тэнсёин-сама...

²⁰ Сёдзи – раздвижные части стены японского дома.

²¹ Тэнсёин-сама – жена Токугава Иэсада, тринадцатого сёгуна из рода Токугава.

– Ага. Подождите немного. Личного секретаря младшей сестры Тэнсёин-сама...

– Ах, нет! Младшей сестры личного секретаря Тэнсёин-сама.

– Ладно, понял. Значит, Тэнсёин-сама?

– Да.

– Личного секретаря?

– Правильно.

– За которого вышла замуж...

– Младшая сестра которого вышла замуж!

– Да, да, я ошибся. Мужа младшей сестры...

– Матери племянника дочь!

– Матери племянника дочь?

– Да. Теперь, кажется, поняли?

– Нет. Все что-то перепуталось, никак не соображу. В конце концов, кем же она приходится Тэнсёин-сама?

– Какой вы непонятливый. Она дочь племянника матери мужа младшей сестры личного секретаря Тэнсёин-сама, я же с самого начала ясно сказала.

– Это-то я понял...

– Большого от вас и не требуется.

– Да, да.

Мне ничего не оставалось, как только сдаться. Иногда так складываются обстоятельства, что приходится без зазрения совести врать.

Многострунное кото за сёдзи вдруг смолкло, и слышал-

ся голос учительницы: «Микэ! Микэ! Обедать!»

Микэко радостно воскликнула:

– Госпожа учительница зовет. Я пойду, ладно?

Не говорить же мне: «Не ходите».

– Приходите опять, – сказала она и, позвякивая бубенчиком, пробежала через двор, но потом быстро вернулась и с беспокойством спросила:

– Вы очень плохо выглядите. Что-нибудь случилось?

– Ничего особенного. Просто от разных дум голова немного разболелась. Вот я и пришел сюда: думаю, поговорю с вами и все пройдет.

Не мог же я рассказать ей о том, как танцевал с моти во рту.

– Да? Смотрите же, берегите здоровье. До свидания.

Ей, кажется, было чуточку жаль расставаться со мной, и после истории с дзони я впервые почувствовал себя легко и бодро. У меня было отличное настроение. Я решил вернуться домой через уже знакомый читателю чайный садик. Ступая по тающим иглам инея, я пробрался к такому же забору, как у храма Кэнниндзи и, просунув голову через дыру в нем, увидел Куро, который, как обычно, сидел, выгнув спину, на засохшем кусте хризантемы и сладко позевывал. Теперь я уже был не тот, что раньше, и не дрожал от страха при одном виде Куро, но мне не хотелось разговаривать с ним, и я попытался пройти мимо, будто вовсе и не знаком с ним. Но не такой у Куро характер, чтобы сделать вид, словно он

не замечает презрительного к нему отношения.

– Ну ты, серость безымянная! Не кажется ли тебе, что в последнее время ты уж слишком стал заноситься. Нечего ходить с такой спесивой рожей, хоть ты и жрешь учительские харчи. Не валяй дурака.

Куро, видимо, еще не знал, что я стал знаменитостью. Я хотел было рассказать ему об этом, но потом подумал, что он все равно ничего не поймет, и решил, что лучше просто поздороваться с ним, а потом как можно быстрее откланяться.

– А, Куро-кун. Поздравляю с Новым годом. Ты, я вижу, бодр, как всегда, – сказал я и, подняв хвост, повел им влево. Куро же только поднял хвост, но махать им в знак приветствия не стал.

– Что, поздравляю? Я хоть на Новый год дурак, а такие, как ты, целый год ходят в дураках²². Ты смотри у меня, не очень-то, рыло – кузнечный мех.

«Рыло – кузнечный мех» – это, кажется, ругательство, но я не понимаю, что оно значит, и поэтому спросил:

– Прости, пожалуйста, но что такое, «рыло – кузнечный мех»?

– Вот так так, тебя ругают, а ты еще спрашиваешь, что это означает. Сказано, дурак новогодний.

«Дурак новогодний» – это ругательство хотя и звучит поэтично, но еще более непонятно, чем «кузнечный мех». Хо-

²² Здесь в японском тексте игра слов. Слово, означающее «поздравляю», может иметь и другое значение: глупый, недалекий.

тел было осведомиться и об этом, но ведь все равно, сколько ни спрашивай, вразумительного ответа не получишь, а поэтому я продолжал молча стоять перед Куро. Мне уже все это начинало надоедать, как вдруг послышался визгливый голос хозяйки Куро. Она громко вопила:

«Ой, а где же лососина, которую я положила на полку? Вот несчастье! Опять этот чертов Куро украл. Вот паршивец! Пусть теперь только вернется!» Эти крики бесцеремонно сотрясали разлитую в воздухе тишину ясного весеннего дня и нарушали всю прелесть «августейшего царствования, когда ни одна ветвь на деревьях не шелохнулась». Куро скорчил дерзкую гримасу, словно желая сказать: «Ругаешься? Ну, ну, ругайся сколько влезет», – и, выставив вперед квадратный подбородок, подмигнул мне: дескать, слышал? Тут я увидел, что в ногах у него валяются покрытые грязью остатки лосося, каждый кусок которого стоил примерно две сэны и три рина. Я был настолько обескуражен встречей с Куро, что только теперь заметил, чем лакомился мой грозный сосед.

– А ты занимаешься своим прежним ремеслом! – с невольным восхищением воскликнул я, позабыв весь предыдущий разговор. Но даже после этого настроение у Куро ни сколько не улучшилось.

– Чем это я занимаюсь? Ах ты сукин сын! Подумаешь, стащил кусок-другой лососины, так уж «прежним ремеслом»? Ты давай поменьше оскорбляй других. Позволю себе напомнить, что я все-таки Куро рикши.

И он начал скрести против шерсти свою правую переднюю лапу, от когтей и до самого плеча. Это означало, что он засучивает рукава.

– Мне давно известно, что ты Куро-кун.

– А если известно, так почему говоришь «занимаешься своим прежним ремеслом»? Почему, спрашиваю, – вызывающим тоном заговорил Куро. Будь мы людьми, он уже давно схватил бы меня за грудь и отхлестал бы по щекам. Я немного перетрусил и про себя подумал: «Ну и попал же я в переплет», – но тут тишину снова нарушил голос хозяйки Куро: «Послушай, Нисикава-сан! Нисикава-сан! Дело есть. Сейчас же тащи кин²³ говядины! Понял? Один кин говядины, только не жесткой».

– Ха, берет говядину раз в год, а орет так, что уши режет. Решила похвастаться перед соседями: смотрите, мол, целый кин говядины покупаю. Просто беда с этой глупой бабой.

Не переставая злословить, Куро вытянул все четыре лапы. Я уже не знал, что говорить, и молча смотрел на него.

– Подумаешь, кин! Да там и посмотреть не на что. Ну уж ладно. Пойду съем хоть это, как только принесут, – произнес Куро таким тоном, словно мясо заказывали специально для него.

Чтобы побыстрее от него отделаться, я сказал:

– Вот угощение так угощение. Просто здорово.

– Не твое дело. Замолчи лучше. Надоел! – ответил Куро

²³ Кин – мера веса, равная 600 г.

и вдруг начал задними лапами швырять мне в голову комки мерзлой земли. Пока, весь дрожа от испуга, я отряхивал с себя грязь, Куро пролез под забором и куда-то исчез. Наверное, отправился следить, когда Нисикава вернется с говядиной.

Когда я пришел домой, в гостиной было необычно светло, совсем по-весеннему, и даже смех хозяина звучал весело. «Что с ним случилось?» – подумал я и, войдя в дом через распахнутую настежь дверь, приблизился к хозяину. У нас был гость, которого раньше мне видеть не приходилось. Волосы у него были разделены аккуратным пробором, хлопчатобумажное хаори с гербами было заправлено в штаны из грубой ткани. Своим видом он очень походил на прилежного ученика. На углу стоявшей перед хозяином грелки для рук рядом с лаковым портсигаром я заметил визитную карточку, на которой было написано: «Имею честь рекомендовать Вам Оти Тофу-куна. Мидзусима Кангэцу». Теперь я знал и имя гостя, и то, что он был приятелем Кангэцу-куна. Я пришел в самый разгар их беседы и только поэтому не понял, о чем шла речь. Во всяком случае, они, кажется, говорили об искусствоведке Мэйтэй-куне, с которым я уже познакомил читателей раньше.

– И он сказал: «У меня есть забавная идея, давайте обязательно сходим туда вместе», – спокойным тоном продолжал гость свой рассказ.

– Какая же это идея? Насчет того, чтобы пообедать в ев-

ропейском ресторане?

Хозяин долил в чашку чай и пододвинул ее гостю.

– Тогда-то и я не понял, что у него за идея, но думал, раз уж он говорит, то, должно быть, что-то интересное...

– И вы, значит, пошли вдвоем? Ну, ну.

– Однако произошло нечто удивительное.

«То-то же», – чуть было не сказал хозяин, но промолчал и лишь тихонько похлопал ладонью по моей голове.

Мне было немного больно.

– Опять какой-нибудь дурацкий фарс. У него есть такая привычка.

Хозяин вдруг вспомнил случай с Андреа дель Сарто.

– Да как вам сказать. Он спросил: «Ты бы съел чего-нибудь необыкновенного?»

– И что же вы ели?

– Первым делом мы просмотрели меню и поговорили о разных блюдах.

– Еще до того, как заказать?

– Да.

– Потом?

– А потом он задумчиво покачал головой и, глядя на официанта, сказал: «Кажется, у вас нет ничего необыкновенного?» – на что официант возразил: «А что вы думаете насчет утиного филе или телячьей отбивной?» Сэнсэй ответил: «Шли бы мы сюда специально из-за таких банальных вещей». Официант не понял слова «банальные» и только мол-

ча хлопал глазами.

– Еще бы.

– Потом сэнсэй повернулся ко мне и горячо заговорил:

«Поехал бы ты во Францию или в Англию. Вот где можно поесть разных кушаний, хочешь в стиле стихов эпохи Тэммэй, хочешь – в стиле Манъёсю. А в Японии что: куда ни пойдешь – написано одно, а на деле выходит совсем другое. Даже заходить не хочется в наши европейские рестораны...» А вообще разве он бывал когда-нибудь за границей?

– Что? Был ли Мэйтэй за границей? Да что ему, деньги есть, время есть, может поехать когда вздумается. Наверное, сейчас он как раз собирается туда, вот и вздумал пошутить немного: выдал будущее за прошлое. – И хозяин, решив, что сказал что-то очень остроумное, засмеялся заразительно, словно приглашал собеседника последовать своему примеру. Но гость отнюдь не пришел в восторг.

– Вот оно что, – произнес Тофу-кун. – А я-то думал, что ему приходилось бывать за границей, и принимал его слова всерьез. К тому же он так образно рассказывал о супе из улиток и о тушеных лягушках, словно видел их своими глазами.

– Это кто-нибудь ему рассказал. Он большой мастер врать.

– Да, вы, кажется, правы, – вздохнул гость и принялся рассматривать стоявшие в вазе цветы водяного лука. Кажется, он немного расстроился.

– Так, значит, вся его идея заключалась в этом? – вывел

его из задумчивости хозяин.

– Нет, это только прелюдия, главное будет дальше.

– Ну, ну! – с любопытством воскликнул хозяин.

– Потом он сказал: «Раз мы при всем своем желании не можем отведать ни улиток, ни лягушек, то не остановиться ли нам, так уж и быть, на тотимэмбо? Как ты думаешь?» – «Хорошо», – ответил я, ничего не подозревая.

– Гм, тотимэмбо. Странное блюдо.

– Вот именно, очень странное, но сэнсэй был так серьезен, что у меня не возникло и тени сомнения.

Гость словно извинялся перед хозяином за свою оплошность. Но тот холодно спросил:

– Что было потом?

Признание гостем своей вины не вызвало в нем ни малейшего сочувствия.

– Потом он сказал официанту: «Эй, принеси-ка нам две порции тотимэмбо». – «Мэнтибо?»²⁴ – переспросил официант, но сэнсэй с еще более серьезным видом поправил его: «Не мэнтибо, а тотимэмбо».

– Ну и ну. Да разве есть вообще такое блюдо: «тотимэмбо»?

– Мне и самому это название показалось удивительно странным, но сэнсэй сохранял полное самообладание. К тому же он считал себя знатоком Европы, и тогда я еще верил, что он бывал за границей. Поэтому я присоединился к нему

²⁴ Мэнтибо – искаженное английское название мясного блюда – mince ball.

и тоже принялся втолковывать официанту: «Тотимэмбо, тотимэмбо».

– А официант что?

– Официант, – и сейчас, как вспомню, не могу удержаться от смеху, – официант задумался на минуту, а потом сказал. «Я очень и очень сожалею, но тотимэмбо сегодня нет. Вот если бы мэнтибо, так сию же секунду принес бы две порции». Сэнсэй с печальным видом промолвил: «Ну вот, без толку шли в такую даль. Так, значит, ты нас так и не сможешь накормить тотимэмбо?» – и дал официанту двадцатисэновую монету. «Может быть, сейчас что-нибудь придумаем, пойду посоветуюсь с поваром», – сказал официант и убежал на кухню.

– Уж очень, видно, Мэйтэю хотелось тотимэмбо.

– Вскоре официант вернулся и сказал: «Если хотите, можно приготовить, но, к сожалению, придется немного подождать». Мэйтэй-сэнсэй сразу успокоился. «Все равно Новый год, времени у нас много, можем и подождать», – произнес он и, достав из кармана сигару, принялся попыхивать ею. Мне тоже ничего другого не оставалось, как вынуть из-за пазухи газету и погрузиться в чтение. Официант тем временем снова удалился на совещание с поваром.

– Ну и морока же, – сказал хозяин. Он слушал с таким интересом, будто читал сообщение о ходе военных действий, и даже весь подался вперед.

– Но вот снова появился официант и с грустным видом

сообщил: «В последнее время стало очень трудно доставать продукты для тотимэмбо. Мы не смогли купить их ни в одном магазине. Так что, как ни печально, некоторое время этого блюда не будет». Сэнсэй, глядя на меня, несколько раз повторил: «Плохо, плохо. Шли сюда специально, и вот...» Я тоже не мог оставаться равнодушным и принялся вторить ему: «Прискорбно».

– И то правда, – согласился хозяин. Я так и не понял, что именно «правда».

– Официант тоже казался опечаленным. «Если в ближайшее время достанем продукты, – сказал он, – тогда прошу». Когда же сэнсэй спросил его: «Из чего вы готовите тотимэмбо?» – он только засмеялся, но ничего не ответил. «Из поэтов из “Нихонха”²⁵, наверное?» – не унимался сэнсэй, на что официант сказал: «Да, да, вот именно. Сейчас даже в Йокогаме не достанешь, очень сожалею».

– Ха-ха-ха! Это конец? Забавно, – как никогда громко расхохотался хозяин. Колени его тряслись, и я чуть было не свалился на пол. Нисколько не считаясь с этим, хозяин продолжал смеяться. Он сразу повеселел, когда узнал, что не один он стал жертвой Андреа дель Сарто.

– Когда мы вышли на улицу, сэнсэй самодовольно сказал: «Ну как, здорово получилось? Эти разговоры вокруг Тоти

²⁵ «Нихонха» – поэтическая группировка, ставившая своей целью вдохнуть новую жизнь в классический жанр японской поэзии «хайку»; основана в 1892 году поэтом Масаока Сики.

Мэмбо²⁶, наверное, звучали очень забавно?» – «Я просто в восторге», – ответил я, и мы расстались. Время обеда давно прошло, я страшно проголодался и чувствовал себя скверно.

– Это уже неприятно, – впервые посочувствовал ему хозяин. Против этого и я ничего не могу возразить. Их разговор на некоторое время прервался, и в комнате было слышно только мое мурлыканье.

Тофу-кун одним глотком допил остывший чай и снова заговорил, на этот раз уже официальным тоном:

– Собственно говоря, я сегодня зашел потому, что у меня к вам, сэнсэй, есть небольшая просьба.

Хозяин тоже напустил на себя важный вид и спросил:

– А, какое-нибудь дело?

– Как вам, наверное, известно, я люблю литературу и искусство, а поэтому...

– Ну и прекрасно, – подзадорил его хозяин.

– Недавно я и мои товарищи организовали кружок декламации. Мы решили собираться один раз в месяц и заниматься исследованиями в этой области. В конце прошлого года даже состоялось первое занятие.

– Извините, я перебыю вас, но когда вы говорите «кружок декламации», то можно подумать, что вы там читаете как-то по-особому разные виды стихов и прозы. Как у вас вообще это все происходит?

– Мы думаем начать с произведений классиков и посте-

²⁶ Тоти Мэмбо – один из поэтов, входивших в «Нихонха».

пенно дойти до творчества, скажем, членов кружка.

– Из произведений классиков, наверное, такие, как, например, «Лютня» Бай Лэтяня?²⁷

– Нет.

– Или что-нибудь вроде «Сюмпубатэйкёку» Бусона?²⁸

– Нет, нет.

– Что же тогда?

– Недавно мы читали одно из синдзюмоно Тикамацу²⁹.

– Тикамацу? Это тот самый Тикамацу, что писал дзёрури? «Второго Тикамацу никогда не было. Если говорят о Тикамацу, то, значит, речь идет именно о Тикамацу-драматурге. До чего же туп мой хозяин, если он даже такие вещи переспрашивает», – подумал я. Но хозяин ничего не подозревал и легонько гладил меня по голове. «Ну, ошибся, не беда. Кто не ошибается – ведь встречаются даже люди, которые хвастают, что их любит косоглазый», – решил я и позволил хозяину ласкать меня и дальше.

– Да, тот, – ответил Тофу-кун и пристально взглянул хозяину в лицо.

– И как вы это делаете? Один читает все подряд или вы

²⁷ Бай Лэтянь – иначе Бо Цзюй-и (772–846) – выдающийся китайский поэт. Его стихи были очень популярны в Японии.

²⁸ Бусон (1716–1783) – известный японский поэт жанра «хайку» (1716–1783). «Сюмпубатэйкёку» – сборник стихов, изданный в 1777 г.

²⁹ Тикамацу Мондзаэмон – японский драматург (1653–1724). Им написано большое количество дзёрури – пьес для театра марионеток, в том числе синдзюмоно – трагедий о самоубийстве влюбленных.

распределяете роли?

– Мы попробовали распределить роли и читать как диалоги. Основная наша цель – вжиться в образы этих произведений и как можно полнее раскрыть их характеры. При этом мы пользуемся мимикой и жестами. Что же касается самого чтения, то главное – по возможности ярче показать людей той эпохи, чтобы персонажи, будь то барышня или мальчик на побегушках, получались как живые.

– О, да там у вас чуть ли не настоящий театр.

– Пожалуй. Правда, без костюмов и декораций.

– И, извините за любопытство, хорошо получается?

– Думаю, что для первого раза вполне удачно.

– Так что это за «синдзюмоно», о котором вы только что говорили?

– Это как раз то место, где говорится о том, как лодочник везет гостя в район публичных домов Ёсивары.

– Ну и сцену же вы выбрали, – произнес хозяин, слегка наклонив голову, – не даром он был учителем. Облачко табачного дыма, вылетевшее при этом у него из носа, коснувшись ушей, расплылось вокруг лица.

– Да что вы, не такая уж она трудная, – невозмутимо ответил Тофу-кун. – Ведь в ней участвуют всего лишь гость, лодочник, гетера, накаи, яритэ и кэмбан.

Услыхав слово «гетера», хозяин слегка поморщился. О том, что значат слова «накаи», «яритэ», «кэмбан», он, видимо, не имел ясного представления и поэтому первым делом

спросил:

– Накаи – это все равно что служанка в доме терпимости?

– Мы еще не приступили к глубокому изучению этого вопроса, но, по-моему, накаи – это служанка при доме свиданий, а яритэ – нечто вроде советницы по делам женской комнаты.

Всего несколько минут назад Тофу говорил: «Мы стараемся подражать артистам, чтобы герои пьес получились как живые», – но он так, кажется, хорошенько и не понял, что представляют собой яритэ или накаи.

– Значит, накаи состоит при чайном домике, а яритэ обитает в доме терпимости? Дальше. Кэмбан – это человек? Или этим словом обозначается какое-то определенное заведение? И если человек, то мужчина или женщина?

– Мне кажется, что кэмбан – это все-таки мужчина.

– Чем же он занимается?

– Столь далеко мы пока не зашли в своих исследованиях. Постараемся в ближайшее время выяснить.

«Какая же чепуха, должно быть, получилась, когда вы читали свои диалоги», – подумал я и взглянул хозяину в лицо. К моему удивлению, оно было серьезным.

– Кто еще, кроме вас, состоит в декламаторах?

– Да разные люди. Гетеру читал К-кун, юрист. Правда, он носит усы, а говорить ему нужно слащавым женским голоском. Поэтому получилось немного странно. К тому же по ходу действия у гетеры должен разболеться живот...

– Неужели даже это необходимо при декламации? – с тревогой в голосе спросил хозяин.

– Конечно. Ведь как-никак эмоциональная выразительность – самое главное.

Тофу считал себя глубоким знатоком литературы.

– И как, удачно болел у него живот? – сострил хозяин.

– В первый раз эта сцена ему не вполне удалась, на то и болезнь, – тоже пошутил Тофу.

– Кстати, какая роль досталась тебе?

– Я был лодочником.

– Ах, лодочником, – протянул хозяин таким тоном, словно хотел сказать: «Уж если ты играешь лодочника, то с такой ролью, как кэмбан, даже я справлюсь». Тут же он дал понять, что нисколько не обольщается насчет драматического таланта Тофу: – Трудно было тебе играть лодочника?

Тофу, кажется, не рассердился. По-прежнему сохраняя самообладание, он произнес:

– Начал я своего лодочника за здоровье, а кончил за упокой, хоть и сам выбрал эту роль. Дело в том, что по соседству с домом, где собрался наш кружок, квартирует несколько девушек-студенток. Они как-то проводали, – не пойму, как им это удалось, – что состоится собрание кружка, пробрались под окна нашего дома и стали слушать. Я читал свою роль с большим вдохновением, как заправский артист, бурно жестикулируя. Я настолько вошел в роль, что подумал: «Теперь пойдет как по маслу», и в этот самый момент... По-видимо-

му, я слишком перестарался, и студентки, которые до этого кое-как терпели, наконец не выдержали и громко расхохотались. Не приходится говорить, как я растерялся, смутился и, сбитый с толку, уже ни за что не мог продолжать. На этом нам и пришлось разойтись.

Я не мог удержаться от смеха, когда представил себе, что у них будет называться провалом, если они считают, что на первый раз все обошлось благополучно, и невольно замурлыкал. Хозяин все нежнее и нежнее гладил меня по голове. Приятно быть обласканным человеком как раз в ту минуту, когда смеешься над людьми, но в этом есть и что-то жуткое.

– О, это ужасно, – проговорил хозяин. Новый год, а он произносит надгробные речи.

– В следующий раз мы постараемся, чтобы репетиция прошла еще более успешно, потому-то я и пришел сегодня к вам. Дело в том, что мы просим вас стать членом нашего кружка и принять участие в декламациях.

– Но ведь я ни за что не сумею изобразить боли в животе, ни за что, – начал отнекиваться мой флегматичный хозяин.

– Ничего, пусть даже без этого. Вот у меня список лиц, оказывающих нам покровительство.

Тофу с торжественным видом развязал фиолетовый платок и вынул оттуда тетрадь размером с листок ханагами³⁰.

– Запишите, пожалуйста, свою фамилию и поставьте печать, – сказал он и, раскрыв тетрадь, положил ее перед хо-

³⁰ Ханагами – листы мягкой бумаги, употребляются вместо носовых платков.

зьяном. Я увидел имена знаменитых профессоров литературы и ученых-литераторов, расположенные в строгом соответствии с этикетом. Улитка-сэнсэй казался очень обеспокоенным.

– Я ничего не имею против того, чтобы записаться в число ваших покровителей, – сказал он. – Но какие у меня будут обязанности?

– Никаких особых обязанностей у вас не будет. Достаточно, чтобы вы вписали свое имя.

Узнав, что он не будет обременен никакими обязанностями, хозяин облегченно вздохнул:

– В таком случае я записываюсь.

Лицо его изображало готовность сделаться даже участником антиправительственного заговора, знай он только, что это не повлечет за собой никаких лишних хлопот. Кроме того, соблазн поставить свое имя рядом с именами знаменитых ученых был очень велик, а потому вполне оправдана и та быстрота, с которой он дал свое согласие.

– Извините, я сейчас, – сказал хозяин и удалился в кабинет за печатью. Я шлепнулся на циновку. Тофу взял с тарелки большой кусок бисквита, затолкал себе в рот и принялся поспешно перемалывать его зубами. Я вспомнил случай с дзони, имевший место утром. Хозяин вышел из кабинета с печатью в руке как раз в тот момент, когда бисквит достиг желудка Тофу. Хозяин, кажется, не заметил, что бисквита на тарелке стало на один кусок меньше. А если бы заметил, то,

конечно, подумал бы, что пирог съел я.

Когда Тофу ушел, хозяин вернулся в кабинет и обнаружил на столе неизвестно откуда взявшееся письмо от Мэйтэя. «Приношу поздравления по случаю радостного праздника Нового года».

«Необыкновенно серьезное начало», – подумал хозяин. В письмах Мэйтэя обычно ничего серьезного не было, в последнее время их содержание сводилось примерно к следующему: «Сейчас у меня нет женщины, которую бы я особенно любил, и любовных писем ниоткуда не получаю – в общем, можно сказать, что живу благополучно, поэтому покорнейше прошу не беспокоиться за меня». Сегодняшнее же поздравительное письмо было необыкновенно заурядным.

«Хотел на минутку заглянуть к Вам, но, в противоположность Вашей сдержанности, я стараюсь придерживаться активного направления и в связи с празднованием этого необычайного Нового года страшно занят, так занят, что голова идет кругом; умоляю Вас о сочувствии».

«Уж кто-кто, а этот человек должен был сбиться с ног от новогоднего торжества», – в глубине души согласился с ним хозяин.

«Вчера улучил минутку и решил угостить Тофу тотимэмбо, но, к несчастью, из-за нехватки продуктов моей идее не суждено было осуществиться, о чем я весьма сожалею...»

«Ну вот, и это письмо в конечном итоге оказалось таким же, как все остальные», – подумал хозяин и улыбнулся.

«Завтра я приглашен на карты к одному барону, послезавтра – на новогодний банкет в “Обществе эстетики”, еще через день – на чествование профессора Торибэ, а еще через день...»

– Скучно все это читать. – Хозяин пропустил несколько строк.

«Как уже говорилось выше, за короткое время я должен был присутствовать на многих собраниях, я участвовал в заседании “Общества любителей театра “Но”, “Общества любителей хайку”, “Общества любителей танка”, “Общества любителей синтайси” и поэтому был вынужден ограничиться поздравительным письмом, вместо того чтобы навестить Вас лично, за что и прошу покорнейше меня извинить...»

Дочитав до этого места, хозяин произнес:

– Очень ты здесь нужен.

«Когда мы увидимся в следующий раз, мне бы очень хотелось поужинать вместе с Вами. И хотя зимой трудно найти деликатесы, я уже сейчас позабочусь, чтобы у нас было по меньшей мере тотимэмбо...»

«Все еще носится со своим тотимэмбо. Ну и невежда». – Хозяин почувствовал некоторое раздражение.

«Однако в последнее время замечается нехватка продуктов для тотимэмбо, и поэтому никогда нельзя заранее сказать, когда будет это кушанье, а посему на всякий случай я осмелюсь предложить Вашему изысканному вкусу хотя бы павлиньи языки...»

– Ага, две приманки выставил, – воскликнул хозяин. Ему захотелось узнать, что же будет дальше.

«Как Вам известно, мяса в павлиньем языке и с полми-
зинца не наберется, а поэтому, для того чтобы наполнить же-
лудок такому обжоре, как Вы...»

– Ври больше, – бросил пренебрежительно хозяин.

«...Я думаю, павлинов мне придется добыть штук два-
дцать-тридцать. Правда, меня несколько беспокоит то, что
увидеть их можно только в зоологическом саду да в парке
Асакуса, а в обычных лавках, где продают битую птицу, я
никогда их не встречал».

– Ведь ты стараешься лишь ради собственной прихоти, –
произнес хозяин, в его словах не прозвучало ни малейшего
оттенка благодарности.

«В период наивысшего расцвета древнего Рима кушанье
из павлиньих языков было необычайно модным и знамени-
вало собой верх утонченной роскоши, поэтому Вы можете лег-
ко себе представить, какое страстное желание отведать его я
издавна лелею в своей душе...»

– Что я там могу себе представить, – безразличным тоном
произнес хозяин. – Дурак!

«Шло время, и к шестнадцатому-семнадцатому веку пав-
лин повсюду в Европе стал лакомством, без которого трудно
было себе представить пир. Я точно помню, когда граф Лей-
сестер пригласил королеву Елизавету в Кэнил-ворс, он уго-
щал ее павлином. И на полотнах великого Рембрандта, изоб-

ражающих пышные обеды, можно увидеть павлинов, которые лежат на столах, широко распутив хвосты...»

– Не так-то уж ты, наверное, занят, если нашел время описывать историю возникновения блюд из павлинов, – проворчал хозяин.

«Во всяком случае, я тоже, кажется, скоро заболею подобно Вам несварением желудка, если мне придется и впредь есть так много, как сейчас».

– «Подобно вам» уже лишнее. Совсем незачем делать из меня мерило для несварения желудка, – брюзжал хозяин.

«По свидетельству историков, римляне устраивали пиры по несколько раз в день. А если садиться за стол два-три раза подряд, то это вызовет расстройство пищеварительных функций даже у человека с очень здоровым желудком и, уж конечно, у таких, как Вы...»

– Опять «как вы»? Ох и грубиян!

«Досконально изучив вопрос о невозможности совмещения чревоугодия и гигиены, они придумали один способ для того, чтобы можно было поглощать всевозможные деликатесы в огромных количествах и сохранять органы пищеварения в норме».

Хозяин внезапно встрепенулся:

– Наконец-то!

«После еды они обязательно принимали горячую ванну, а выйдя из ванны, засовывали в рот два пальца и таким простым способом опоражнивали свои желудки. После этого

они снова садились за стол и наслаждались, сколько душе угодно, тонкими яствами, а насладившись, снова лезли в горячую воду и повторяли все сызнова. Так можно вволю есть любимые кушанья, без всякого ущерба для внутренних органов. По-моему, римляне одним выстрелом убивали сразу двух зайцев...»

– И правда, одним выстрелом сразу двух зайцев. – На лице хозяина отразилась зависть.

«В двадцатом веке в связи с развитием средств сообщения необычайно возросло количество банкетов. Я верю, что, вступив во второй год русско-японской войны, который должен принести много перемен, наш победоносный народ оказался перед насущной необходимостью постичь по образцу древних римлян искусство горячих ванн и опоражнивания желудков. Меня повергает в глубочайшее беспокойство мысль о том, что если этого не сделать, то вся наша великая нация в ближайшем будущем подобно Вам превратится в желудочнобольных...»

«Опять “подобно вам”? – подумал хозяин. – Этот человек начинает меня раздражать».

«При сложившихся обстоятельствах мы, люди, хорошо знакомые с Западом, окажем неоценимую услугу всему обществу, если глубоко изучим старинные предания и легенды, возродим уже забытые истины, сделаем их всеобщим достоянием и, как говорится, пресечем зло в корне. Тем самым мы вознаградим государство за то, что сейчас имеем возмож-

ность в любое время предаваться увеселениям...»

– Какие-то странные вещи он пишет, – покачал головой хозяин.

«Вот почему я сейчас охочусь за сочинениями Гиббона, Моммзена³¹, Смита³² и других, но, к моему великому сожалению, все еще не могу добраться до истоков истины. Однако, как Вам известно, у меня такой характер, что если мне что-нибудь взбредет в голову, то я ни за что не успокоюсь до тех пор, пока не добьюсь своего, а поэтому верю, что недалек тот час, когда будет возрожден старый способ опоражнивания желудков. Разумеется, как только я сделаю вышеназванное открытие, я немедленно поставлю Вас об этом в известность. А после того как открытие будет сделано, мне хотелось бы во что бы то ни стало угостить Вас тотимэмбо или павлиньими языками, о которых я говорил раньше; думаю, что мои изыскания будут, безусловно, ценны и для Вас, уже страдающего от несварения.

На этом кончаю свое письмо, прошу великодушно извинить за небрежное изложение мысли».

«Уж не обманывает ли он меня?» – подумал хозяин, но письмо было написано слишком серьезно, и он спокойно дочитал его до конца. Потом рассмеялся и сказал: «Ох и бездельник же этот Мэйтэй, даже на Новый год не может обой-

³¹ Моммзен Теодор (1817–1903) – видный немецкий буржуазный историк. Основные работы: «Римская история», «Римское государственное право».

³² Смит Голдвин (1823–1910) – английский критик и историк.

тись без проказ».

В последующие несколько дней не произошло сколько-нибудь примечательных событий, если не считать того, что в белой фарфоровой вазе постепенно увял водяной лук и распустились цветы на сменивших его ветках сливы. Такая жизнь мне окончательно наскучила, я два раза ходил навещать Микэко, но повидаться с ней не смог. В первый раз я решил, что ее нет дома, но когда пришел на следующий день, то узнал, что она больна и не встает с постели. Спрятавшись за орхидеей, которая росла в тёдзубати³³, я подслушал доносившийся из-за перегородки разговор между учительницей музыки и служанкой. Вот о чем они говорили:

– Микэ позавтракала?

– Нет, с самого утра ничего не изволили кушать. Я уложила их на катацу, пусть погреваются.

Когда я услышал этот разговор, то никак не мог поверить, что речь идет о кошке. Заботятся о ней совсем как о человеке.

Я стал сравнивать свою жизнь с жизнью Микэко и испытал при этом два противоречивых чувства: с одной стороны, мне было завидно, а с другой, радостно, что кошка, которую я люблю, окружена таким теплом и заботой.

– Что же делать, ведь она совсем ослабеет, если не будет есть.

– Ваша правда. Мы вот и то – не поедем день, так на сле-

³³ Тёдзубати – горшок с водой для умывания.

дующий и работать не можем.

Из ответа служанки следовало, что она считает кошку существом куда более благородным, чем она. Наверное, и правда, в этом доме кошка важная персона.

– А к врачу ты ее носила?

– Конечно. Только врач попался какой-то странный. Захожу я с Микэ на руках к нему в кабинет, а он: «Что, простудилась?» – и хочет пощупать мне пульс. «Да нет, – говорю, – больная не я, а вот», – и показываю ему Микэ. Он рассмеялся и говорит: «Я в кошачьих болезнях не разбираюсь. Поменьше носись с ней, и она мигом поправится». Ох и жестокий человек, правда? Я рассердилась: «Не хотите смотреть – не надо, а смеяться нечего. Для меня эта кошка дороже всего на свете». Посадила Микэ за пазуху и прямо домой.

– Так-с...

«Слово-то какое мудреное “так-с”, у нас в доме ничего подобного не услышишь. Нужно состоять в родстве с какой-то там Тэнсёин-сама, чтобы так говорить. Уж очень изысканное словцо», – с восхищением подумал я.

– Жалуются они все на что-то, и теперь у них горлышко болит. От простуды кто угодно закашляет...

Речь служанки была отменно вежливой, недаром она состоит в горничных у особы, имеющей отношение к Тэнсёин-сама.

– К тому же в последнее время появилась какая-то новая болезнь, туберкулез легких называется что ли...

– И правда, сейчас что ни день, то новая болезнь: туберкулез, чума; все время надо быть начеку.

– Мы в старину о таких напастях и не слыхивали. Ты тоже будь осторожнее.

– Конечно, конечно.

Служанка была очень растрогана.

– Как же она могла простудиться, ведь вроде не так уж часто и на улицу выходит...

– Вы знаете, у них в последнее время завелся плохой приятель, – с торжественным видом, словно поверяя государственную тайну, произнесла служанка.

– Плохой приятель?

– Да, такой неопрятный кот, живет у учителя на проспекте.

– У того самого учителя, который каждое утро кричит не своим голосом?

– Вот именно, когда он умывается, всегда орет, как резанный гусак.

«Орет, как резанный гусак» – очень образное выражение. У моего хозяина есть такая привычка: когда он полощет по утрам в ванной рот, то постукивает зубной щеткой по горлу и издает при этом весьма странные звуки, несколько не беспокоясь о том, что они могут быть неприятны окружающим. Когда он не в духе, то гогочет изо всех сил, а если настроение у него хорошее, это гоготание становится еще громче. Одним словом, плохое ли у него настроение, хорошее ли – он,

не переставая ни на секунду, орет свое «га-а, га-а». Жена хозяйина уверяет, что раньше у него не было такой привычки, но однажды, после того как они поселились здесь, он неожиданно загоготал, и теперь уже ни один день не обходится без этого. Что и говорить, привычка не из приятных, и мы, кошки, никак не можем взять в толк, почему он упорно продолжает проделывать это каждое утро. Впрочем, дело не в этом, уж очень меня укололи слова «неопрятный кот», и я стал слушать еще внимательнее.

– Не знаю, что за заклинания он выкрикивает таким голосом. До Реставрации³⁴ даже слуги – и те имели понятие об этикете, и никто в усадьбах не умывался подобным образом.

– Ах, ах, ну конечно же!

Служанка слишком часто приходила в восторг, и тогда ахам да охам не было конца.

– Ничего удивительного, что у такого хозяина и кот бродяга, ты его поколоти слегка, когда он придет в следующий раз.

– Непременно поколочу. И не иначе как из-за него заболела наша Микэ. Уж я непременно отомщу ему за это.

«В каком ужасном преступлении ты меня обвиняешь, – подумал я. – Теперь мне нельзя без особой надобности по-

³⁴ Реставрация – термин, принятый в японской историографии для обозначения переворота Мэйдзи 1868 года. Этот переворот нанес сильный удар по японскому феодализму и способствовал переходу страны (хотя и не полному) на капиталистические рельсы и широкому приобщению ее к европейской и американской культуре.

казываться тебе на глаза». Так и не повидавшись с Микэко, я вернулся домой.

Хозяин сидел в кабинете и что-то усердно писал. Он, должно быть, страшно рассердился бы, если бы я рассказал ему, что о нем думают в доме учительницы музыки, но, как говорят, блажен тот, кто не ведает, – что-то бормоча себе под нос, он изо всех сил старался придать себе вид святого поэта.

И тут неожиданно явился Мэйтэй-кун, тот самый Мэйтэй-кун, от которого только что получено письмо, где он извещает хозяина о своей занятости и сожалеет, что не может лично поздравить его с Новым годом.

– Наверное, какое-нибудь синтайси сочинишь? Покажи, если что-нибудь интересное, – сказал он.

– Угу, – нехотя произнес хозяин. – Вот неплохой рассказ попался, дай-ка, думаю, переведу.

– Рассказ? Чей рассказ?

– Не знаю чей.

– Известного автора? Что ж, и у неизвестных авторов бывают очень хорошие вещи, вовсе не следует относиться к ним пренебрежительно. А где был напечатан этот рассказ?

– Во втором томе школьной хрестоматии, – как ни в чем не бывало ответил хозяин.

– Во втором томе хрестоматии? При чем здесь хрестоматия?

– А при том, что замечательное произведение, которое я перевожу, входит как раз во второй том хрестоматии.

– Брось шутить! Ты, верно, задумал отомстить мне за павлиньи языки.

– Я не такой лгун, как ты, – ответил хозяин и покрутил ус. Он оставался совершенно невозмутимым.

– Рассказывают, что когда-то в старину один человек спросил у Саньё³⁵: «Сэнсэй, не попадалось ли вам в последнее время какое-нибудь выдающееся произведение?» Тогда Саньё достал долговую расписку, написанную конюхом, и сказал: «Из созданных за последнее время выдающихся произведений на первом месте стоит вот это». Кто знает, вдруг и у тебя обнаружился тонкий литературный вкус. А ну, читай, я послушаю.

Мэйтэй-сэнсэй говорил так, словно он был самым большим авторитетом в вопросах литературы.

Голосом монаха из секты дзэн, читающего заветы великого Дайто Кокуси, оставленные им в назидание потомкам, хозяин забубнил:

«Великан Тяготение».

– Что за «великан тяготение»?

– Это заголовок такой: «Великан Тяготение».

– Странный заголовок. Не пойму, что он означает.

– Здесь имеется в виду великан, имя которого Тяготение.

– Не совсем гладко, ну ладно, пока так и оставим, заголовок как-никак. Читай побыстрее сам рассказ. Дикция у тебя приятная, с удовольствием слушаю.

³⁵ Рай Саньё (1780–1832) – конфуцианский философ и историк.

– Только не перебивай меня, – предупредил хозяин и снова принялся за чтение:

«Кэт смотрит из окна на улицу. Там дети играют в мяч. Они подбрасывают его высоко вверх. Мяч летит все выше и выше. А через некоторое время падает. Дети снова подбрасывают его. И так много раз подряд. И каждый раз мяч возвращается на землю. “Почему он падает? – спрашивает Кэт. – Почему не летит все выше и выше?” – “Потому, что в земле живет великан, – отвечает мать. – Это великан Тяготение. Он сильный. Он все притягивает к себе. Он притягивает дома к земле. А если бы не притягивал, то они улетели бы. Дети тоже улетели бы. Ты, наверное, видел, как опадают листья. Это великан Тяготение зовет их. Тебе, наверное, приходилось ронять книгу. Это великан Тяготение зовет ее: “Иди сюда”. Мяч начинает подниматься в небо, но тут его окликают великан Тяготение, и он падет на землю”».

– И все?

– Угу. Разве плохой рассказ?

– Ах, что ты, он произвел на меня огромное впечатление. Нежданно-негаданно получил подарок в знак благодарности за тотимэмбо.

– Никакой это не подарок. Просто понравился мне рассказ, вот я и попробовал его перевести. Ты не согласен со мной? – произнес хозяин, вопросительно глядя на очки в золотой оправе.

– Я поражен. Никогда не думал, что ты способен на такие

шутки, вот и попался на удочку. Сдаюсь, сдаюсь. – Мэйтэй громогласно объявил о своем поражении, но хозяин так и не понял, что имеет в виду его приятель.

– У меня, – сказал он, – даже в мыслях не было заставить тебя сдаться. Просто рассказ показался мне интересным, и я попробовал его перевести. Только и всего.

– Ах, как в самом деле все забавно получилось! Только этого твоего высказывания не хватало для полноты картины. Потрясающе! Я преклоняюсь перед тобой.

– Не надо преклоняться. Недавно я забросил живопись и решил вместо этого заняться писательским ремеслом.

– Это, конечно, не идет ни в какое сравнение с твоими картинами, которые лишены перспективности изображения и отличаются удивительным несоответствием цветов. Я в совершеннейшем восторге от перевода.

– Ну, раз ты так хвалишь, то я с еще большей охотой буду продолжать заниматься литературным творчеством, – ответил хозяин. Он упорно не желал понять истинный смысл слов своего собеседника.

В это время в комнату вошел Кангэцу-кун.

– А, здравствуй, – приветствовал его Мэйтэй-сэнсэй. – Только что я прослушал одно великолепнейшее произведение, и дух тотимэмбо уже не витает над нами.

– Вот оно что, – воскликнул Кангэцу. Очевидно, ему был понятен намек Мэйтэя. Только хозяин пребывал в полном неведении и не испытывал никакой радости.

– Недавно, – обращаясь к Кангэцу-куну, сказал хозяин, – по твоей рекомендации ко мне приходил человек по имени Оти Тофу.

– Зашел все-таки? Он очень честный парень, этот Оти Коти, но у него есть свои странности, и я боялся, как бы его визит не доставил вам беспокойства. Но он так просил познакомиться...

– Особого беспокойства он мне не причинил...

– Неужели он вам ничего не рассказывал о своем имени?

– Нет, об этом разговора, кажется, не было.

– Да ну! Ведь у него привычка каждому новому знакомому объяснять свое имя.

– Как же он его объясняет? – вмешался Мэйтэй-кун, который долго ждал подходящего момента, чтобы вступить в разговор.

– Он очень обижается, когда «Коти» читают на китайский манер.

– Отчего бы это? – спросил Мэйтэй-сэнсэй и взял из замшевого с золотым узором кисета щепотку табаку «Кумой».

– Он всегда предупреждает: «Мое имя не Оти Тофу, а Оти Коти!»

– Странно, – произнес Мэйтэй, глубоко затягиваясь.

– Это объясняется исключительно его увлечением литературой, ведь если читать «Коти», то получается целое выражение «там и сям»; кроме того, он чрезвычайно гордится тем, что его имя и фамилия образуют рифму. Поэтому, ко-

гда «Коти» читают на китайский манер, он жалуется: «Растолковываешь, растолковываешь, и все без толку».

– Самое настоящее чудачество, – заявил Мэйтэй-сэнсэй тоном, не допускающим возражений, и вдруг, сжав в руке трубку, закашлялся – табачный дым, который сэнсэй в это время выдыхал из легких, изменил направление и, не дойдя до ноздрей, попал в дыхательное горло.

– В тот раз, – посмеиваясь, заговорил хозяин, – он рассказал мне, как исполнял роль лодочника на собрании кружка декламаторов и как над ним посмеялись студентки.

– Вот-вот, – Мэйтэй-сэнсэй принялся выколачивать трубку, и я поспешил отодвинуться подальше. – Этот самый кружок! Мы говорили о нем, когда я угощал Тофу тотимэмбо. «На следующее собрание, – сказал он, – мы решили пригласить известных литераторов. Прошу и вас оказать нам честь своим присутствием». Опять, спрашиваю, будете читать сэвамоно Тикамацу? «Нет, теперь мы возьмемся за более современные вещи, думаем остановиться на “Золотом демоне”³⁶». «Какая же тебе, говорю, досталась роль?» А он отвечает: «Я буду Омия!» Зрелище обещает быть забавным: Тофу в роли Омии. Обязательно побываю там, устрою ему овацию.

Кангэцу-кун как-то странно усмехнулся:

– Да, это будет забавно.

³⁶ «Золотой демон» – роман японского писателя Одзаки Коё. Омия – героиня романа.

– Однако он хороший парень – исключительно искренний и весьма серьезный. Не то что Мэйтэй.

Хозяин сразу отомстил Мэйтэю и за Андреа дель Сартто, и за павлиньи языки, и за тотимэмбо. Но Мэйтэй-кун словно пропустил его слова мимо ушей и только улыбнулся:

– Ничего не поделаешь, у меня нрав, что кухонная доска из Гётоку³⁷.

– Да, примерно так, – сказал хозяин. По правде говоря, он не понял, что значит выражение «кухонная доска из Гётоку», но ведь недаром он был учителем и лгал на протяжении многих лет – в трудные минуты педагогический опыт приходил ему на помощь.

– А что значит «кухонная доска из Гётоку»? – с простодушным видом спросил Кангэцу. Хозяин, глядя на вазу с цветами, стоявшую в нише, произнес: «Эти цветы я купил еще перед Новым годом, когда возвращался из бани, хорошо сохранились, правда?» – и таким образом сумел перевести разговор на другую тему.

– Твои слова напомнили мне об одном удивительном случае, который произошел со мной перед Новым годом, – заговорил Мэйтэй, ловко жонглируя своей трубкой.

– Что за происшествие? Расскажи, – с облегчением вздохнул хозяин, видя, что со стороны «кухонной доски из Гётоку» ему уже не угрожает никакая опасность.

³⁷ ...кухонная доска из Гётоку – выражение, обозначающее человека глупого, но обтесавшегося в обществе.

И Мэйтэй-сэнсэй рассказал следующее:

– Было, как сейчас помню, двадцать седьмое декабря. Я получил от этого самого Тофу записку: «Хочу прийти к вам побеседовать о литературе, пожалуйста, никуда не уходите». Я ждал его с самого утра, но сэнсэй все не шел и не шел. После обеда я расположился у котацу и погрузился в чтение юмористических повестей Берри Пэйна, как вдруг пришло письмо из Сидзуоки от моей матери. Она уже старая, и я для нее, видно, всегда буду ребенком, поэтому в письме содержалось множество разных советов: «зимой не выходи по вечерам из дому», «холодные обтирания – вещь, конечно, хорошая, но все-таки не забывай топить печь, а то простудишься» – и так далее. Уж на что я беззаботный человек – и то растрогался:

«Как хорошо, когда у тебя есть родители, ведь никто другой так о тебе не позаботится». И тогда меня осенила мысль: «Довольно бездельничать. Надо написать какую-нибудь большую книгу и таким образом прославить нашу семью. Пусть еще при жизни матери весь мир узнает имя Мэйтэй-сэнсэя».

Читаю дальше: «Тебе очень повезло. Сейчас, когда из-за войны с Россией нашей молодежи приходится переживать огромные трудности и приносить все свои силы на алтарь отечества, ты продолжаешь веселиться, для тебя каждый день – праздник». Не так уж весело я провожу время, как думает мать. Потом она перечислила имена моих школь-

ных товарищей, которые погибли или были ранены на войне. Когда я читал одно за другим имена товарищей, мне вдруг стало очень грустно: почему так печален мир? Как мало стоит человеческая жизнь! А в самом конце письма говорилось: «Я уже стара и этой весной, пожалуй, в последний раз отдаю новогоднего дзони...» В этих словах чувствовалась такая безысходность, такая печаль, что я совсем расхандрился. «Хоть бы Тофу пришел поскорее», – подумал я, но сэнсэй все не шел. Так незаметно подошло и время ужинать. После ужина я решил написать матери ответ. Письмо получилось коротеньким, всего двенадцать-тринадцать строчек. Мать же иной раз присылала письма больше шести сяку. Мне так никогда не суметь. Поэтому я обычно напишу десяток строк и на этом кончаю.

Я целый день провел без движения, и к вечеру у меня разболелся желудок. Сказав своим: «Если придет Тофу, то попросите его подождать», – я вышел прогуляться, а заодно и опустить письмо. Вместо того чтобы пойти, как всегда, к Фудзимитё, я незаметно для себя забрел в Дотэ-Самбантё. Вечер был холодный, небо затянули тучи, из-за Охори ежеминутно налетали порывы сильного ветра. Со стороны Кагурадзаки донесся гудок, и вскоре у подножья дамбы промчался поезд. Меня охватило жуткое чувство одиночества. Мысли об убитых на войне товарищах, старческой немощи, о превратностях судьбы и скоротечности жизни вихрем кружили в голове. Я подумал, что чаще всего именно в такие

минуты людьми вдруг овладевает желание повеситься, навсегда уйти из жизни. Взглянув на дамбу, я обнаружил, что стою как раз под той самой сосной.

– Той самой сосной? Какой сосной? – взволнованно спросил хозяин.

– Под сосной удавленников, – ответил Мэйтэй и запахнул ворот своего кимоно.

– Сосна удавленников растет на холме Ко-но-дай, – возразил Кангэцу, внося тем самым еще большую путаницу.

– На Ко-но-дай, – поспешил разъяснить Мэйтэй, – растет сосна, на которую вешают колокола, а на той, что в Дотэ-Самбантё, вешаются люди. Еще в древнем предании говорится, что у каждого, кто пройдет под этой сосной, появляется желание повеситься. Вот ее и называли сосной удавленников. У дамбы растет несколько десятков сосен, но если ты услышишь о том, что кто-то повесился, знай, он мог повеситься только на этой сосне. Ежегодно с дерева снимают несколько удавленников. Другие деревья совсем не навевают мыслей о смерти.

Я взглянул на сосну. Ее ветви склонились над улицей. «Ах, какая красота, – подумал я, – даже жаль уходить отсюда. Вот бы посмотреть, как выглядит это дерево, когда на нем висит человеческое тело. Может быть, еще придет кто-нибудь». Я оглянулся по сторонам, но поблизости не было ни души. Ничего не поделаешь, придется, наверное, самому повеситься. Нет, не стоит, уж очень опасный эксперимент, –

так, пожалуй, и с жизнью расстаться недолго. Но ведь говорят же, что древние греки во время праздников развлекались тем, что имитировали повешение. Делалось это так: человек становился на подставку и просовывал голову в петлю, и в этот момент кто-нибудь выбивал у него подставку из-под ног. Тот, кто изображал повешенного, тут же высвободил голову из петли и спрыгивал на пол. Если это правда, то почему бы и мне разок не попробовать. Я ухватился руками за ветку, и она послушно наклонилась, образовав изящный изгиб. Я попытался себе представить, как плавно она будет покачиваться, когда я повисну на ней, и меня охватил неопиcуемый восторг. «Обязательно повешусь, – подумал я, но вспомнил о Тофу – а вдруг он придет, тогда ему придется слишком долго меня ждать. Лучше встречусь сначала с Тофу, поговорю с ним, как обещал, а потом снова приду сюда», – решил я и быстро направился домой.

– И это все? – спросил хозяин.

– Интересно, – ухмыльнулся Кангэцу.

– Прихожу домой, а Тофу нет. Зато от него пришла открытка: «Сегодня у меня много неотложных дел, никак не могу к вам выбраться, но надеюсь, что мы непременно встретимся на днях». Я сразу успокоился и с радостью подумал: «Теперь можно спокойно пойти и повеситься». Быстро надев гэта, я со всех ног бросился бежать к заветной сосне...

Мэйтэй посмотрел на хозяина, потом на Кангэцу и замолчал.

– Ну, ну, прибежал ты, а дальше? – нетерпеливо спросил хозяин.

Кангэцу же произнес:

– Вот здесь-то и начинается самое интересное, – и принялся крутить шнурок от хаори.

– Прибегаю и вижу, что кто-то уже опередил меня. Представляете, опоздал на какую-то минуту, и вот... Такая жалость! Сейчас мне все кажется, что сам бог смерти руководил мною. Будь здесь, предположим, Джеймс, он, наверное, сказал бы, что в соответствии с каким-нибудь особым законом причины и следствия произошло взаимодействие потустороннего мира, который подсознательно существует в нашем мозгу, и окружающего нас мира реального. Ну что, разве не удивительный случай произошел со мной? – закончил Мэйтэй свой рассказ, и лицо его стало еще более непроницаемым.

Хозяин, решив, что над ним снова хотят подшутить, не проронил ни слова; он набил рот куямоти³⁸ и теперь старательно пережевывал его.

Кангэцу тщательно разгребал пепел в хибати³⁹ и, не поднимая головы, посмеивался. Наконец он посмотрел на хозяина и серьезным тоном заговорил:

– И не поверил бы, что такое может случиться, – уж очень неправдоподобной кажется на первый взгляд эта история, но

³⁸ Куямоти – одна из разновидностей японских сладостей.

³⁹ Хибати – жаровня, топится древесным углем.

совсем недавно мне самому довелось испытать нечто подобное, а поэтому она у меня не вызывает никаких сомнений.

– Как! Ты тоже хотел повеситься?

– Нет, я не вешался. Но случай, о котором я хочу рассказать, тоже произошел в конце прошлого года и, что еще более удивительно, в тот же день и почти в тот же час, что и с вами, сэнсэй.

– Забавно, – заметил Мэйтэй и тоже принялся набивать рот куямоти.

– В тот день мы собрались в доме одного моего знакомого в Мукодзие на проводы старого года. Предполагалось устроить концерт, поэтому я захватил с собой скрипку. На вечер собралось пятнадцать или шестнадцать барышень и дам, и было очень весело. Устроили все великолепно, и я подумал, что уже давно не проводил время так интересно. Но вот закончился ужин, а за ним и концерт, обо всем переговорили, да и время было позднее, и я собрался было уже откланяться, как вдруг ко мне подошла супруга одного профессора и тихо спросила: «Вы знаете, что барышня N заболела?» Всего каких-нибудь два или три дня назад я видел эту девушку, и тогда она выглядела вполне здоровой. Поэтому я, естественно, испугался и принялся расспрашивать о ее здоровье. Оказывается, в тот же день, когда мы встретились, к вечеру у нее внезапно поднялась температура, и она впала в бред. Но если бы только это! Главное, что в бреду она то и дело повторяла мое имя.

Не говоря уже о хозяине, даже Мэйтэй-сэнсэй – и тот воздержался от обычных своих замечаний: «Э, да здесь что-то нечисто». Сейчас они хранили полное молчание и слушали очень внимательно.

– Потом эта дама рассказала о том, как к больной позвали врача и как тот не мог поставить диагноз. «Затрудняюсь сказать, – заявил он, – что это за болезнь. Ясно одно: у девушки сильный жар, и от этого помутилось сознание. Если снотворное не даст желаемого результата, нужно быть готовым к худшему исходу». Мне сразу стало как-то не по себе, возникло чувство страшной подавленности, какое обычно бывает, когда снятся кошмары. Казалось, что воздух вокруг меня вдруг затвердел и с невероятной силой сжимает меня со всех сторон. По пути домой я не мог думать ни о чем другом, кроме барышни N. Эта красивая, эта энергичная, эта пышущая здоровьем барышня N!

– Извини, перебью тебя на минутку. Ты уже дважды произнес «барышня N», если можно, назови ее имя, – перебил его Мэйтэй и оглянулся на хозяина. Тот тоже неопределенно буркнул «угу».

– Нет, лучше не надо, боюсь, что это будет ей неприятно, – запротестовал Кангэцу-кун.

– Значит, все так и будет покрыто мраком неизвестности?

– Не смейтесь, пожалуйста, я ведь говорю совершенно серьезно... Стоило мне вспомнить об этой девушке, и тотчас же она ассоциировалась в моем сознании с увядшими цве-

тами, с облетевшими листьями; я пришел в полное уныние, словно жизненные силы покинули мое тело. Пошатываясь, побрел я к мосту Адзумабаси. Там, опершись на перила, я долго смотрел вниз на воду. Не помню, было это время отлива или прилива, я видел только стремительно проносившийся подо мной поток черной густой воды. Со стороны Ханакавато на мост вбежал рикша. Я провожал взглядом огонек фонарика, покачивавшегося у него на коляске, до тех пор, пока он стал совсем маленьким и наконец потерялся во тьме. Я снова стал смотреть на воду. И тут откуда-то издалека донесся голос, зовущий меня по имени. «Что это? Кто в такое время может звать меня?» – подумал я и стал пристально вглядываться вдаль, но в темноте ничего нельзя было разглядеть. «Очевидно, мне просто почудилось, – решил я. – Надо побыстрее идти домой». Но не успел я сделать и двух шагов, как снова послышался слабый крик. Опять кто-то звал меня по имени. Я замер на месте и стал вслушиваться. Когда меня окликнули в третий раз, я вцепился обеими руками в перила и задрожал от страха. Может, этот голос доносился откуда-то издалека, а может, со дна реки, несомненно одно – он принадлежал барышне Н. «Я здесь», – не помня себя от страха, крикнул я. Гулкое эхо прокатилось над темной рекой, я испугался своего собственного голоса и быстро оглянулся по сторонам. Ни человека, ни собаки, ни луны. Во мне росло желание броситься в объятия темной, как эта ночь, реки, немедленно отправиться туда, откуда доносился голос. Мои

уши снова пронзил жалобный, исполненный муки крик барышни N, словно молящей о спасении. «Иду», – ответил я и, перегнувшись через перила, посмотрел на черную холодную воду. Мне казалось, что взывающий о помощи голос доносится снизу, с большим трудом пробиваясь сквозь толщу воды. «Она там, под водой, – подумал я и влез на перила. – Позовет еще раз – прыгну». Полный решимости, я вглядывался в поток. И вот в воздухе, как дрожание струны, снова повис жалобный крик. Пора! Я напряг всю свою волю, подпрыгнул на целый тан и, как, ну скажем – камень, полетел вниз.

– Так-таки и прыгнул, – заморгал хозяин.

А Мэйтэй дернул себя за кончик носа и сказал:

– Не думал, что дойдет до этого.

– После прыжка я потерял сознание и некоторое время находился в обморочном состоянии. Когда я очнулся, то почувствовал, что очень замерз, хотя одежда на мне была совершенно сухая. Но я же прекрасно помню, что прыгал в воду, что за наваждение! «Странно», – подумал я, когда окончательно пришел в себя и огляделся вокруг. Тут я удивился еще больше. Собирался прыгать в воду, но ошибся и прыгнул на середину моста. Меня разбирала досада. Только потому, что я спутал направление, мне не удалось отправиться туда, куда меня звал голос барышни N.

Кангэцу захихикал и принялся крутить шнурок от хаори, как будто тот мешал ему, и он решил его оторвать.

– Ха-ха-ха! Забавно! Эта история оригинальна тем, что

очень похожа на рассказанный мною случай. Тоже ценный материал для профессора Джеймса. Наши ученые мужи наверняка были бы удивлены, если бы ему вздумалось, основываясь на фактическом материале, написать книгу о человеческой индукции... Ну, а как болезнь барышни N? – допытывался Мэйтэй.

– Несколько дней тому назад я ходил поздравлять ее с Новым годом. Она играла у ворот со служанкой в волан и выглядела совсем здоровой.

Хозяин, который уже давно над чем-то сосредоточенно думал, наконец открыл рот.

– Со мной однажды тоже приключилось, – сказал он, показывая всем своим видом, что он не хуже других.

– Приключилось? Что приключилось? – спросил Мэйтэй. Уж от кого, от кого, а от хозяина ничего путного он, конечно, не ожидал.

– Это произошло тоже в конце прошлого года.

– У всех в конце прошлого года. Странное совпадение, – засмеялся Кангэцу. Из зияющей у него во рту дыры торчал кусок куямоти.

Мэйтэй насмешливо спросил:

– Может, даже в тот же день и в тот же час?

– Нет, день был другой, что-то около двадцатого числа. «Вместо новогоднего подарка, – сказала мне в то утро жена, – сводите-ка меня послушать Сэтцу Дайдзё»⁴⁰. – «По-

⁴⁰ Сэтцу Дайдзё (1836–1917) – знаменитый актер театра «Кабуки».

чему не сводить, – отвечаю, – свожу, конечно. Какая сегодня пьеса?» Жена заглянула в газету и сказала: «“Унагидани”». – «Я не люблю “Унагидани”, давай сходим в другой раз». В тот день мы так никуда и не пошли. На следующий день жена снова развернула газету: «Сегодня “Хорикава”». Пойдем?» – «В “Хорикаве”, – говорю, – много играют на сямисэне, но и только. А в общем-то пьеса бессодержательная. Так что лучше не надо». Жена вышла из комнаты с недовольным лицом. На следующий день она объявила категорическим тоном: «Сегодня идет “Храм Сандзюсангэндо”, и я во что бы то ни стало хочу увидеть Сэтцу Дайдзё в “Сандзюсангэндо”. Не знаю, может и “Сандзюсангэндо” вам тоже не нравится, но прошу вас пойти ради меня». – «Ну что ж, если тебе так хочется, можно и пойти, но это их самый лучший спектакль и наверняка будет полно народу. Поэтому не приходится думать, что удастся легко туда попасть. Издавна повелось: когда собираешься в театр, не забудь зайти в чайный домик при театре и заказать нужные места. Нехорошо нарушать правила, которых придерживаются абсолютно все. Как видишь, сегодня, к сожалению, тоже пойти не удастся». Жена мрачно взглянула на меня и чуть ли не плача проговорила: «Я – женщина и поэтому не знала, что все так сложно, но ведь и мать Охара, и жена Судзуки – Кимийё-сан – ходили в театр, минуя эти формальности. Мало ли что вы учитель, могли бы обойтись и без лишних хлопот, несносный вы человек!» – «Ладно, – уступил я, – пойдем, хотя нехорошо так

поступать. Поужинаем и пойдем». Настроение у жены сразу поднялось. «Тогда нужно постараться поспеть туда к четырем часам. Нельзя мешкать ни минуты». – «Почему обязательно к четырем?» – спрашиваю я, а жена отвечает, что, как объяснила ей Кимийё-сан, можно вообще не попасть в театр, если заранее не занять места. «Значит, после четырех будет поздно?» – еще раз переспросил я. «Да, поздно». И тут, поверите, вдруг начался озноб.

– У жены? – спросил Кангэцу.

– Да какой там у жены! У меня! Я весь как-то сразу обмяк, словно аэростат, у которого прокололи оболочку и выпустили водород. Перед глазами все поплыло, я не мог двинуть ни рукой, ни ногой.

– Внезапное заболевание, – прокомментировал Мэйтэй.

– Меня разбирала досада. Очень хотелось исполнить просьбу жены, единственную за целый год. Ведь я только и делаю, что браню ее, заставляю выполнять тяжелую домашнюю работу, ухаживать за детьми и за все время ни разу не вознаградил ее за то, что она безропотно выполняет обязанности служанки. А сегодня у меня, к счастью, и время свободное было, и в кармане позвякивало несколько монет. Итак, все благоприятствовало жене, но вот мой озноб, от которого все плывет перед глазами! Как я поеду в трамвае, когда даже через порог переступить не в силах. Ах, какая жалость! Озноб становился все сильнее, все сильнее кружилась голова. «Если побыстрее показаться врачу и выпить како-

го-нибудь лекарства, то до четырех часов можно еще успеть выздороветь», – решил я и, посоветовавшись с женой, послал за доктором Амаки, но, к несчастью, он вчера вечером ушел в клинику на дежурство и еще не вернулся. «Он будет дома около двух и сразу же придет к вам», – сказали нашей служанке у доктора. Что делать?! Выпей я сразу же настою на абрикосовых косточках, к четырем все бы как рукой сняло, но когда не повезет, то все идет кувырком. Видно, мне не суждено было хоть раз увидеть улыбающееся лицо жены. А она между тем укоризненно спрашивала меня: «Значит, вы никак не сможете пойти?» – «Пойдем, обязательно пойдем, – ответил я. – Успокойся, вот увидишь, я выздоровлю до четырех. Поскорее иди умойся, переоденься и жди меня». В эти слова я постарался вложить всю глубину своих чувств. Но озноб и головокружение все усиливались. Кто знает, что натворит эта малодушная женщина, если мне не станет лучше до четырех часов и я не смогу выполнить свое обещание! Ну и история. Как же быть? Я подумал, что сейчас мой долг по отношению к жене состоит в том, чтобы на всякий случай заблаговременно рассказать ей о бренности жизни, о том, что нет ничего вечного на земле, и таким образом подготовить к наихудшему исходу. Я немедленно позвал жену в кабинет. «Хоть ты и женщина, – сказал я, – но, наверное, понимаешь все-таки, что значит европейская пословица “Видит око, да зуб неймет”?» Но она с грозным видом набросилась на меня: «Кто их разберет, эти европейские послови-

цы! Вы же знаете, что я не понимаю по-английски, но нарочно говорите на этом языке, чтобы поиздеваться надо мной. Ладно, пусть я не понимаю. Если вам так нравится говорить по-английски, то почему вы не женились на воспитаннице христианской школы? Таких жестоких людей, как вы, поискать надо». Весь мой так тщательно продуманный план рухнул. Мне очень хочется, чтобы хоть вы поняли, что я заговорил по-английски без всякой задней мысли. Мною руководила исключительно любовь к жене. Я просто не знаю, что мне делать, если вы истолкуете мои слова так же, как их истолковала жена. К тому же все это произошло в тот самый момент, когда из-за озноба и головокружения у меня немного помутилось сознание. Именно поэтому я поступил столь опрометчиво, прибегнув к английской пословице и заговорив о бренности жизни. Я, конечно, допустил оплошность. Начался новый приступ лихорадки, еще быстрее завертелись перед глазами предметы. Жена, как ей было велено, пошла в ванную, разделась до пояса и стала приводить себя в порядок, потом она достала из шкафа кимоно, оделась и стала ждать меня, всем своим видом говоря: за мной, мол, дело не станет, могу выйти в любую минуту. Я же не находил себе места. Скорее бы уже Амаки-кун пришел, что ли. Глянул на часы. Уже три. До четырех остается всего один час. «Может, пойдем потихоньку?» – предложила жена. Наверное, кажется странным, когда хвалят собственную жену, но никогда она не казалась мне такой красивой, как в ту мину-

ту. Ее кожа, которую она, раздевшись до пояса, старательно вымыла с мылом, блестела и казалась еще белее рядом с черным крепдешином хаори. Лицо моей жены сияло по двум причинам: первая, так сказать, материальная, причина заключалась в том, что она мылась с мылом, а вторая, духовная причина – это надежда увидеть Сэтцу Дайдзё. И мною овладела решимость, во что бы то ни стало помочь этой надежде осуществиться. «Поднатужусь немного и встану», – подумал я и закурил. Но тут наконец пришел Амаки-сэнсэй. Он точно выполнил мою просьбу. Осведомившись, что меня беспокоит, он взглянул на мой язык, пощупал пульс, постукал по груди и погладил спину, вывернул веко, потер череп, а потом задумался. «Боюсь, не угрожает ли мне какая опасность», – сказал я, но доктор спокойно ответил: «Наверяд ли что-нибудь серьезное». – «Наверное, и на улицу можно выйти», – спросила жена. «Конечно», – сказал Амаки-сэнсэй и снова задумался. Потом добавил: «Лишь бы не почувствовали себя плохо». – «Я чувствую себя неважно», – отозвался я. «Тогда для начала пропишу вам микстуру». – «Как микстуру?! Значит, у меня что-нибудь опасное?» – «Не настолько, чтобы беспокоиться. Не заставляйте себя нервничать понапрасну», – ответил доктор и ушел. Была уже половина четвертого. Послали служанку за лекарством. Жена строго-настрого приказала ей бежать всю дорогу до аптеки и обратно. Без четверти четыре. До четырех еще целых пятнадцать минут. Но тут как назло меня начинает тошнить, хотя до этого

я не испытывал никакой тошноты. Жена налила микстуру в чашку и поставила ее передо мной. Но как только я поднес чашку ко рту, из глубины моего желудка послышался воинственный клич: «Гэ-э!» Пришлось поставить лекарство обратно. «Да пейте же вы быстрее», – поторапливала жена. Я чувствовал, что буду очень виноват перед ней, если сейчас же не выпью лекарство и мы не отправимся в театр. «Выпью, и все», – подумал я, решительно берясь за чашку, и снова это самое «гэ-э» с завидным упорством помешало осуществиться моему намерению. Пока я несколько раз подряд порывался выпить лекарство, но ставил чашку назад, часы в столовой пробили четыре. «Четыре часа, больше нельзя мешкать ни минуты», – пронеслось в моем сознании, и я опять взялся за чашку и – удивительная вещь! – поистине удивительная! – вместе с четырьмя ударами часов совершенно исчезла тошнота, и я смог выпить микстуру без всякого труда. Уже около десяти минут пятого я начал убеждаться, что Амаки-сэнсэй – великий доктор: как дурной сон исчезли и мурашки, бегавшие по спине, и головокружение; радость моя была безгранична – еще бы, ведь я полностью исцелился от болезни, после которой уже и не надеялся подняться.

– И потом вы пошли в «Кабуки»? – спросил Мэйтэй с таким выражением на лице, словно он не понял, в чем суть этого рассказа.

– Мне хотелось пойти, но было уже больше четырех, и жена считала, что мы все равно опоздали. Так и пришлось от-

казаться от этой затеи. Приди Амаки-сэнсэй хотя бы на пятнадцать минут раньше, и я бы выполнил свой долг перед женой, и она получила бы удовольствие. И все из-за каких-то пятнадцати минут! Какая досада! Мне и сейчас кажется, что тогда моей жизни грозила серьезная опасность.

Закончив свой рассказ, хозяин облегченно вздохнул с видом человека, наконец-то выполнившего тяжелую задачу. Наверное, он полагал, что таким образом сумел поддержать свой престиж в глазах собеседников.

Кангэцу улыбнулся, обнажив при этом свой дырявый рот, и сказал:

– Это действительно очень досадно.

Мэйтэй с наивным видом проговорил как бы про себя:

– Как должна быть счастлива жена, у которой такой муж.

В ответ за перегородкой послышалось покашливание хозяйки.

Я терпеливо выслушал по порядку все три рассказа, но, не найдя в них ничего забавного или поучительного, решил, что люди только и умеют что разговаривать друг с другом, когда им вовсе не хочется этого, да смеяться над тем, что совершенно не смешно, или радоваться тому, что печально. И все это только для того, чтобы как-то убить время. Я и раньше знал, что мой хозяин человек капризный и со странностями, но обычно он был немногословен, а поэтому я никак не мог понять его до конца. Мне даже казалось, что такая неясность таит в себе что-то страшное, но после сегодняш-

него разговора мне захотелось презирать его. Что ему стоило молча выслушать рассказы тех двоих? Какой смысл нести несусветную чушь ради того, чтобы не отстать от других? Не знаю, может это Эпиктет заставляет так поступать. Одним словом, и хозяин, и Кангэцу, и Мэйтэй – самые обыкновенные бездельники, они делают вид, что им ничего не нужно, что они стоят выше всего будничного, в действительности же им свойственны и тщеславие, и алчность. В их повседневной болтовне всегда сквозит дух конкуренции, желание победить, победить во что бы то не стало, и если кому-нибудь удастся выдвинуться вперед хоть на один шаг, они тотчас же уподобляются хищникам, запертым в одной клетке и всегда готовым перегрызть друг другу глотку. Единственное достоинство этих людей, достоинство весьма незначительное, заключается в том, что их слова и поступки лишены шаблонности, характерной для обыкновенных дилетантов.

От таких мыслей у меня вдруг пропал всякий интерес к их беседе, я решил, что уж лучше пойти провести Микэко, и отправился во двор учительницы музыки. Праздничные ворота из живых сосен, украшенных симэ⁴¹, исчезли – ведь как-никак после Нового года прошло уже десять дней, но ясное весеннее солнышко щедро освещало землю с высоты бездонного голубого неба, на котором не было видно ни единого облачка, и маленький, меньше десяти цубо, двор выглядел

⁴¹ Симэ – ритуальные украшения из соломенных веревок с вплетенными в них полосками бумаги.

еще более свежим, чем в день Нового года. На галерее лежала только подушка для сидения, людей не было видно; сёдзи тоже были плотно сдвинуты – наверное, учительница куда-нибудь ушла, может быть даже в баню. Впрочем, меня мало интересовало, дома она или нет, я беспокоился о другом: поправилась ли Микэко. Вокруг стояла мертвая тишина, нигде поблизости не было ни одной живой души. Я поднялся на галерею и прямо с ногами развалился на подушке. Лежать, оказывается, было очень приятно. Незаметно подкралась дремота. Я забыл даже о Микэко и все глубже погружался в сон, когда за сёдзи вдруг послышались голоса детей.

– Большое тебе спасибо. Готово?

Значит, учительница все-таки была дома.

– Извините, я немного задержалась. Когда я пришла к мастеру, он как раз заканчивал.

– Ну-ка, покажи. О, красиво! Будет напоминать нам о Микэ. Позолота как, не облезет?

– Я спрашивала его об этом. Говорит, взял самую лучшую, продержится еще дольше, чем на ихаи⁴², которые он делает для людей... А еще он немного изменил один иероглиф в ее посмертном имени Мёёсиннё, потому что, по его словам, будет красивее, если «ё» написать скорописью.

– Хорошо, давай побыстрее поставим на алтарь и зажжем ароматические палочки.

⁴² Ихаи – деревянная табличка с посмертным именем, предмет буддийского культа.

«Что с Микэко? Какие-то странные дела здесь творятся», – подумал я, поднимаясь на ноги.

«Динь», – раздался звук колокольчика, и учительница запричитала:

– Вечная тебе слава, Мёёсиннё, вечная тебе слава, Амида⁴³, вечная тебе слава, Амида. И ты молись за упокой ее души. «Динь». «Вечная тебе слава, Мёёсиннё, вечная тебе слава, Амида. Вечная тебе слава, Мёёсиннё, вечная тебе слава, Амида», – вторила служанка.

У меня вдруг тревожно забилося сердце. Я стоял на подушке словно деревянное изваяние, даже моргать перестал.

– Какое горе, какое горе! А ведь началось с небольшой простуды.

– Дал бы Амаки-сан хоть какое-нибудь лекарство, глядишь бы и обошлось.

– В общем, во всем виноват этот Амаки-сан, уж слишком пренебрежительно он отнесся к нашей Микэ.

– Не надо так плохо говорить о человеке. Видно, так суждено.

Оказывается, Микэко тоже лечилась у Амаки-сэнсэя.

– Короче говоря, все произошло потому, что этот учительский бродяга-кот частенько сманивал ее на улицу, я так думаю.

– Да, да, только эта скотина виновата в смерти нашей Микэ.

⁴³ Амида – буддийское божество.

Мне хотелось как-нибудь оправдаться перед ними, но нужно было терпеть, и, затаив дыхание, я продолжал слушать.

Прервавшийся на минуту разговор возобновился:

– Как плохо устроен мир. Преждевременно умирает такая красавица, как Микэ. А этот урод здоров и продолжает škодить...

– Ваша правда. Другого такого славного человека, как Микэ, днем с огнем не сыщешь.

Вместо «другой такой кошки» служанка сказала «другого человека». Видать, она и впрямь считает, что кошка и человек одно и то же. Лицом служанка действительно очень похожа на нас, кошек.

– Если можно бы было, то пусть вместо Микэ...

– Умер бы этот бродяга из дома учителя. Тогда не нужно было бы желать ничего лучшего.

Худо мне придется, если обстоятельства сложатся так, что мне не останется желать ничего лучшего. Я еще ни разу не испытывал, что это за штука – смерть, поэтому не могу сказать, понравится она мне или нет. Недавно было очень холодно, и я забрался в гасилку. Служанка же наша не знала, что я там, и накрыла гасилку крышкой. Страшно даже вспомнить, чего я тогда натерпелся. По словам Сиро-куна, продлись мои муки еще немного, и наступил бы конец. Я бы безропотно пошел на смерть вместо Микэко, но если, умирая, невозможно избежать таких мук, то ни за кого умирать не захочется.

– Покидая этот мир, она не должна ни о чем сожалеть. Ведь хотя она и кошка, над ней читал молитвы монах, и имя посмертное ей придумали.

– Конечно, конечно, но было бы еще лучше, если бы монах не торопился и читал более тщательно.

– Да, молитва была слишком короткой. Когда я ему сказал: «Что-то вы слишком рано кончили», Гэккэйдзи-сан ответил: «Я прочел самое главное, этого вполне достаточно, чтобы она попала в рай, – это же всего-навсего кошка».

– Ах, вон оно что... Ну, а если бы это был тот бродяга?...

Я уже не раз предупреждал, что у меня нет имени, но все-таки служанка учительницы упорно продолжает называть меня бродягой. До чего же невежливая особа!

– Велика его вина, и никакие молитвы не помогут ему попасть в рай.

Не знаю, сколько раз потом они еще повторили слово «бродяга». Я не мог дольше выносить этого разговора и, соскользнув с подушки, прыгнул на землю. Восемьдесят восемь тысяч восемьсот восемьдесят моих волосков стояли дыбом, я дрожал всем телом. С тех пор я ни разу даже близко не подошел к дому учительницы музыки. Сейчас, наверное, по ней самой Гэккэйдзи-сан небрежно читает зауспокойные молитвы.

В последнее время я не отваживаюсь выходить из дома. Жизнь мне представляется какой-то унылой и мрачной. По части домоседства я теперь не уступлю самому хозяину. Мне

вполне резонным начинает казаться объяснение затворничества хозяина несчастной любовью.

Крыс я так ни разу и не ловил, и однажды служанка даже поставила вопрос о моем изгнании, но хозяин знает, что я кот непростой, а поэтому я продолжаю жить в этом доме, по-прежнему ничего не делая. Без всяких колебаний готов принести хозяину свою глубокую благодарность за проявленную им доброту и одновременно выразить восхищение его проницательностью. Меня даже не особенно сердит, что служанка настойчиво не желает меня замечать и обращается со мной очень грубо. Если бы сейчас вдруг явился Хидари Дзингоро⁴⁴ и принялся вырезать мой портрет на столбе у ворот, если бы японский Стейлен⁴⁵ взялся рисовать на холсте мое изображение, этим тупым слепцам пришлось бы устыдиться за свою непроницательность.

⁴⁴ Хидари Дзингоро – полулегендарная личность. Его имя стало нарицательным для обозначения искусных скульпторов.

⁴⁵ Стейлен Теофиль (1859–1923) – выдающийся французский гравер-реалист.

Глава III

Микэко умерла, с Куро я так и не подружился, поэтому чувствую себя весьма одиноко, но, к счастью, знакомство с людьми скрашивает одиночество. Недавно один человек прислал хозяину письмо, в котором просит мою фотографию. А на днях кто-то специально для меня привез из Окаямы знаменитые кибиданго⁴⁶. По мере того как растет внимание со стороны людей к моей особе, я постепенно забываю, что я кот. У меня такое ощущение, словно я незаметно для самого себя стал гораздо ближе к людям, чем к кошкам, и в последнее время мне уже совсем не хочется, скажем, созывать своих соплеменников и мериться силами с двуногими господами. Более того, я так изменился, что временами даже начинаю считать себя членом человеческого рода, и это внушает мне уверенность в моем будущем. Я вовсе не хочу сказать, что презираю своих соплеменников; просто вполне естественно, что я чувствую себя более спокойно, когда поступаю в соответствии со своей натурой, и мне бывает очень неприятно, если это истолковывают как измену, лицемерие или предательство. А ведь найдется немало людей с унылым, неуживчивым характером, которые только и ждут, чтобы изругать человека всевозможными мерзкими словами. Не мо-

⁴⁶ Кибиданго – круглые рисовые лепешки.

гу же я, освободившись от кошачьих привычек, без конца возиться только с кошками. И все же мне хотелось бы с достоинством, равным человеческому, сказать свое слово об их внутренней сущности, их речах и поступках. Это было бы совсем не трудно. Мне только очень больно, что хозяин, несмотря на всю глубину моих познаний, обращается со мной, как с самым обыкновенным котенком, — не сказав мне ни слова, он без всякого зазрения совести съел кибиданго. И снимка моего он еще не сделал, и не отослал его по назначению. Этим я, конечно, тоже весьма недоволен, но что поделаешь — хозяин есть хозяин, а я есть я, и мы, естественно, расходимся во взглядах. Я почти окончательно превратился в человека, и поэтому мне довольно трудно писать о поступках кошек, с которыми я теперь не поддерживаю никаких отношений. Позвольте мне ограничиться описанием образа жизни господ Мэйтэя и Кангэцу.

* * *

Сегодня воскресенье, прекрасный солнечный день. Хозяин вышел из кабинета, поставил рядом со мной тушечницу и положил стопку бумаги, а сам улегся на живот и принялся что-то мурлыкать себе под нос. «Наверное, собирается писать, вот и издает такие чудные звуки», — решил я и стал внимательно наблюдать, что будет дальше.

Через некоторое время он вывел жирные иероглифы:

«Воскурю благовония». «Что же это будет, хайку? Слова-то какие – “воскурю благовония”, слишком они изящны для хозяина», – мелькнула у меня мысль, но он уже оставил «благовония» и быстро начертил: «Сначала я, пожалуй, напишу о Тэннэн Кодзи»⁴⁷. И тут кисть вдруг неподвижно застыла в руке хозяина. Хозяин глубоко задумался, но никакая блестящая идея так, кажется, и не осенила его. Тогда он лизнул кончик кисти языком, отчего губы его сразу стали черными. Чуть пониже написанной строчки он нарисовал кружок. Внутри поставил две точки, которые должны были изображать глаза. Потом нарисовал широкий нос и провел горизонтальную линию, которая обозначала рот. Это уже не могло быть ни рассказом, ни хайку. Да хозяину самому, видимо, наскучило это занятие, и он поспешил зачеркнуть рожицу. Потом опять начал с новой строки. Он, наверное, полагал, что стоит только начать с новой строки, как слова польются сами собой. «Тэннэн Кодзи – это человек, который изучает воздушное пространство, читает “Луньюй”⁴⁸, ест печеный батат, под носом у него всегда блестят сопли», – одним духом написал он фразу на разговорном языке. Сумбурная, что ни говори, фраза получилась. Громко выкрикивая слова, хозяин перечитал написанное и расхохотался: «Ха-ха-ха, интересно», но тут же добавил: «“Под носом у него всегда блестят сопли” – это звучит немного сурово, вычеркнем», – и

⁴⁷ Тэннэн Кодзи – Дитя Природы (яп.).

⁴⁸ «Луньюй» – книга изречений Конфуция и его учеников.

провел толстую линию. И одной такой линии было бы достаточно, но он провел и вторую, и третью. Эти параллельные друг другу линии были очень красивы. Хозяин, не обращая внимания на то, что они заходят на другие строки, проводил их одну за другой. Когда образовалось восемь таких линий, а следующая фраза все еще не была придумана, хозяин отложил кисть в сторону и принялся крутить свои усы, словно говоря: «Вот я сейчас покажу, как можно из усов добывать хорошие фразы». Он яростно теребил усы, закручивая их то вверх, то вниз. В эту минуту из столовой вышла хозяйская жена и уселась перед самым носом мужа.

– Послушайте, – промолвила она.

– В чем дело? – глухим, как удар гонга под водой, голосом откликнулся хозяин. Жене такой ответ, видимо, не очень понравился, и она вновь обратилась к мужу:

– Послушайте.

– Ну, что там еще?

На этот раз он засунул в ноздрю большой и указательный пальцы и выдернул оттуда волосок.

– В этом месяце немного не хватило...

– Не может быть. Ведь и с доктором за лекарства рассчитались, и в книжный магазин еще в прошлом месяце внесли долг. В этом месяце должно было даже остаться, – ответил хозяин, сосредоточенно рассматривая только что выдернутый волосок, словно перед ним было одно из чудес света.

– И все-таки не хватило. Вы же не едите рис, вам обяза-

тельно хлеб подавай, да еще и варенье.

– Сколько же я съел этого варенья?

– В этом месяце восемь банок.

– Восемь? Не помню, чтобы столько я съел.

– Не вы один, вместе с детьми.

– Все равно, не должно было уйти больше пяти-шести банок. – И хозяин с невозмутимым видом принялся один за другим приклеивать к бумаге выдернутые им из носа волоски. Он вырывал их прямо с мясом, и поэтому они стояли на бумаге прямо, как воткнутые иголки. В восторге от неожиданного открытия хозяин подул на них изо всех сил, но волоски прилипли очень прочно и никак не хотели улетать.

– Ишь ты какие упрямые, – буркнул хозяин и начал дуть еще сильнее.

– И не только варенье, – продолжала хозяйка. От возмущения на щеках у нее выступили красные пятна. – Еще кое-что нужно было купить.

– Может быть, может быть, – ответил хозяин, снова засовывая пальцы в нос. Волоски были самых различных цветов: рыжие, черные, а один попался даже белый. Хозяин был этим немало удивлен и всю таращил на него глаза. Потом, зажав его между пальцами, поднес к самому лицу жены. С криком: «Фу! Гадость какая!» – та оттолкнула его руку.

– Да ты только посмотри, у меня в носу растут седые волосы. – Хозяин казался страшно взволнованным. Даже хозяйка, не выдержав, рассмеялась и поспешила уйти обратно в

столовую. На экономические проблемы она, видимо, махнула рукой. А ее муж снова принялся за своего Тэннэн Кодзи.

Хозяин, которому при помощи волоска удалось прогнать жену, с облегчением вздохнул, как бы говоря: «Ну, теперь можно работать спокойно», – и каждый раз, выдернув волосок, порывался что-то написать, но у него так ничего и не получилось. Наконец он произнес:

– «Ест печеный батат» здесь совершенно лишнее, придется убрать, – и вычеркнул эти слова. – «Воскурю благовония» тоже звучит слишком неожиданно, выбросим, – без всякого сожаления вынес он себе письменное порицание. Осталось только одно предложение: «Тэннэн Кодзи – это человек, который изучает воздушное пространство, читает “Луньюй”». «А так слишком коротко получается, – подумал хозяин. – Ох, и морока, пусть уж это будет не рассказ, а просто эпитифия». Помахал он в воздухе кистью и начал усердно рисовать в верхней части листа орхидею – жалкое подобие рисунка автора на полях. Весь его огромный труд до единого иероглифа пошел насмарку. Тогда он перевернул лист и написал что-то совершенно невразумительное: «В воздушном пространстве родился, воздушное пространство исследовал, в воздушном пространстве умер. Ах, воздушный, ах, пространственный Тэннэн Кодзи!» И тут пришел Мэйтэй. Наверное, Мэйтэй не видел никакой разницы между своим домом и домами чужими, потому что всегда входил бесцеремонно, даже не постучавшись. Более того, были случаи, когда он неожиданно

вторгался с черного хода. Еще при рождении он потерял все качества добропорядочного человека – стыд, совесть, стеснительность, застенчивость. Не успев сесть, он спросил хозяина:

– Никак опять великан Тяготение?

– Уж не думаешь ли ты, что я все время только и пишу что о великане Тяготении? Сочиняю эпитафию Тэннэн Кодзи, – многозначительно ответил хозяин.

– Тэннэн Кодзи – это такое же посмертное имя, как и Гудзэн Додзи⁴⁹? – как обычно наобум спросил Мэйтэй.

– А разве такое тоже есть?

– Навряд ли, но я сначала было подумал, что ты имеешь в виду именно его.

– Гудзэн Додзи... Нет, такого имени я не знаю. А вот кто такой Тэннэн Кодзи, ты знаешь.

– Кто же вообразил себя Тэннэн Кодзи?

– Я говорю о том самом Соросаки, который после окончания университета поступил в аспирантуру и занялся исследованиями по теме «Теория воздушного пространства», но отдавал учебе слишком много сил и умер от перитонита. Ведь Соросаки был моим близким другом.

– Ну и прекрасно, что он был твоим другом, я не вижу в этом ничего плохого. Но кто переименовал Соросаки в Тэннэн Кодзи? Чьих это рук дело?

– Я. Я назвал его так. Это не то что вульгарные имена, ко-

⁴⁹ Гудзэн Додзи – Дитя Случайности (яп.).

которые обычно дают монахи, – самодовольно произнес хозяин, словно «Тэннэн Кодзи» и правда было необычайно элегантным именем. Мэйтэй засмеялся и потянулся за рукописью:

– А ну-ка, покажи мне эту эпитафию. Что такое?... – И громко прочитал: – «В воздушном пространстве родился, воздушное пространство исследовал, в воздушном пространстве умер. Ах, воздушный, ах, пространственный Тэннэн Кодзи!» Действительно неплохо, именно такая эпитафия подходит для Тэннэн Кодзи.

– Конечно, хорошо, – радостно вторил ему хозяин.

– Высечь эту эпитафию на камне, что кладут в кадушку с маринованной редькой, а потом отнести за ограду храма, пусть там лежит, как те камни, которые поднимают люди, чтобы испробовать силу. И красиво, и о Тэннэн Кодзи напоминать будет.

– Я так и собирался сделать, – совершенно серьезно ответил хозяин. Потом добавил: – Извини, пожалуйста, я сейчас же вернусь, а ты пока поиграй с кошкой, – и, не дожидаясь ответа Мэйтэя, вдруг поднялся и вышел из комнаты.

Мне совершенно неожиданно поручили развлекать Мэйтэй-сэнсэя, а поэтому нельзя было сидеть с угрюмым лицом. Я приветливо заулыбался и попробовал было взобраться к гостю на колени, но тут он сказал: «Ого, и растолстел же ты, а ну», – и, бесцеремонно схватив меня за загривок, поднял вверх. «Э-э, а задние лапы-то у тебя болтаются, не ловишь

ты, видно, крыс... Как, хозяйюшка, ловит ваш кот крыс?» – обратился он к сидевшей в соседней комнате хозяйке. Видно, моего общества ему было недостаточно.

– Какие там крысы. Вот танцевать с дзони во рту – это он умеет, – неожиданно раскрыла хозяйка мой старый грех.

Я продолжал болтать лапами в воздухе и не знал, куда деться от стыда. А Мэйтэй все не отпускал меня.

– По морде можно догадаться, что он танцор. Хозяйюшка, а физиономия-то у вашего кота прехитрющая. Он очень похож на кошку Нэкомата, которую я видел в одной старой книжке с картинками. – Болтая всякую несусветную чушь, Мэйтэй изо всех сил старался втянуть хозяйку в разговор. Та с досадой отложила свое рукоделие и вошла в гостиную.

– Вам, наверное, очень скучно? Он скоро вернется. – Она налила в чашку свежего чая и подала Мэйтэю.

– А куда же он ушел?

– Трудно сказать. Он никогда не предупреждает, куда идет. Скорее всего, пошел к врачу.

– К Амаки-сэнсэю? Плохо же придется Амаки-сэнсэю, если ему попадется такой больной.

– Да, – коротко ответила хозяйка. Ей, видимо, не хотелось продолжать разговор на эту тему, но Мэйтэй сделал вид, что он ничего не понял, и продолжал расспрашивать:

– Как он себя чувствует в последнее время? С желудком лучше стало?

– Понятия не имею, лучше или хуже. Можно ходить к

Амаки-сану каждый день, но если питаться одним вареньем, желудок никогда не наладится. – В такой сдержанной форме хозяйка излила перед Мэйтэем свое недавнее раздражение.

– Неужели он так много ест варенья? Совсем как ребенок.

– И не только варенье, сейчас он увлекается тертой редькой, говорит, первейшее лекарство от желудка...

– Да ну, – изобразил удивление Мэйтэй.

– Все началось с того, что он прочитал в газете, будто бы в тертой редьке содержится диастаза.

– Видно, решил редькой уравновесить вред, который ему наносит варенье. Здорово придумано, ха-ха-ха!.. – Жалобы хозяйки развеселили Мэйтэя.

– А недавно он даже маленького накормил...

– Вареньем?

– Да нет, тертой редькой... Представляете? Иди сюда, говорит, детка, папа даст тебе что-то вкусное. Хоть раз в жизни, думаю, приласкает ребенка, а он такую глупость сделал. А несколько дней назад взял нашу среднюю дочку да и посадил на шкаф...

– Какой же в этом смысл?

О чем бы ни зашел разговор, Мэйтэй всегда стремится докопаться до смысла.

– Да никакого. Он просто сказал ей: «А ну, попробуй-ка прыгнуть отсюда». Да разве способна девочка, которой едва минуло четыре года, прыгнуть с такой вышины?

– Действительно, смысла здесь очень мало. И все-таки по-

своему он хороший человек, не вредный.

– Еще не хватало, чтобы он был вредным, тогда бы вообще стало невозможно! – с горячностью воскликнула хозяйка.

– О, зачем так браниться. Ведь гораздо лучше, когда жизнь течет спокойно, без скандалов. А Кусями-кун человек скромный и в одежде неприхотлив, он как бы создан для тихой семейной жизни, – легкомысленным тоном принялся поучать ее Мэйтэй, хотя это было совсем не в его характере.

– Однако вы глубоко заблуждаетесь...

– Что, чем-нибудь потихоньку увлекается? В нашей жизни всякое бывает, – загадочно проговорил Мэйтэй.

– Вообще-то никакой распушенности я за ним не замечаю, если не считать того, что он все время покупает книги, которые даже не читает. Было бы еще полбеды, если бы он покупал только необходимые ему книги, а то ведь отправляется когда вздумается в «Марудзэн» и покупает их десятками, а как подходит конец месяца и приносят счета, он делает невинное лицо. Вот, например, в конце прошлого года очень туго пришлось: нужно было платить сразу за несколько месяцев.

– Ну, то, что он покупает книги, еще не страшно, пусть покупает. А когда придут за деньгами, вы пообещайте немедленно уплатить, они и оставят вас в покое.

– Но ведь когда-нибудь все равно придется платить, – упавшим голосом продолжала хозяйка.

– Тогда объясните супругу, в чем дело, и заставьте сокра-

тить расходы на книги.

– Я уже говорила, да разве он послушает? Вот и недавно он сказал мне: «Ну, какая из тебя жена ученого! Ты же совсем не понимаешь, что такое книги. Послушай, что случилось однажды в древнем Риме, это тебе будет наукой на будущее».

– Интересно, что же там случилось? – сразу загорелся Мэйтэй. Им руководило не сочувствие к хозяйке, а обыкновенное любопытство.

– В общем, в древнем Риме был царь Тарукин...

– Тарукин? Гм, странно.

– У, очень они трудные, эти иностранные имена, никак не могу запомнить. Во всяком случае, он, кажется, был седьмым.

– Седьмой Тарукин... очень странно. Так что же случилось с этим седьмым Тарукином?

– И вы смеетесь надо мной... Возьмите и объясните сами, если знаете, злой вы человек, – напустилась хозяйка на Мэйтэя.

– С чего вы взяли, что я смеюсь над вами; я не способен на такие вещи. Просто мне показалось, что седьмой Тарукин звучит не совсем обычно... Постойте, седьмой римский царь... э-э, как его... точно не помню, но, кажется, это был Тарквиний Гордый. Ну, да неважно... Так что же случилось с этим царем?

– Как-то к нему пришла женщина с девятью книгами и

предложила купить их у нее.

– Так, так.

– «За сколько же ты их продаешь?» – спросил царь. Та назвала очень высокую цену. «Это слишком дорого, – сказал царь, – может, уступишь немного?» Женщина тут же взяла три книги и бросила их в огонь.

– Это она зря.

– А в книгах тех были написаны не то предсказания, не то еще что-то, чего нигде больше нельзя было найти.

– Ой, ой, ой.

– Царь подумал: «Раз из девяти книг теперь осталось только шесть, то и цена, наверное, меньше стала», – и спросил: «Сколько же ты просишь за шесть книг?» Женщина назвала прежнюю цифру и не хотела уступить ни мона⁵⁰. «Это же грабеж!» – возмутился царь, но желание приобрести эти книги, видно, не покидало царя, и он спросил: «А за сколько ты продашь три книги?» – «За ту же цену, что и все девять». Из девяти книг осталось шесть, потом только три, а цена не уменьшилась ни на рин. «Чего доброго, и последние три окажутся в огне», – подумал царь, перестал торговаться и, заплатив большие деньги, купил уцелевшие от сожжения книги... «Ну, надеюсь, ты поняла теперь, что значат книги», – старался всеми силами объяснить муж, но мне по-прежнему невдомек, в чем их ценность.

Изложив свою точку зрения, хозяйка дала понять Мэйт-

⁵⁰ Мон – старинная мелкая монета, достоинством в 1/10 сэны.

эю, что ждет от него вразумительного ответа. Однако тут даже Мэйтэй, видимо, оказался в тупике. Он вытащил из рукава кимоно носовой платок и принялся дразнить меня, потом, словно надумав что-то, воскликнул:

– Однако, хозяйюшка! Ведь его только потому и считают ученым, что он без разбору покупает книги и загромоздил ими весь дом. Недавно о Кусями-куне писали в одном литературном журнале.

– Правда? – Хозяйка подалась всем телом вперед. Наверное, муж ей все-таки не совсем безразличен, если ее интересует, что о нем говорят. – И что же там писали?

– Немного, всего несколько строчек. Что Кусями-кун пишет так, как будто облака плывут по небу, как будто река катит свои воды.

Хозяйка радостно заулыбалась.

– И только?

– Дальше было вот что: «Только подумаешь, что вот-вот доберешься до истины, как вдруг все исчезает и растворяется в тумане».

Лицо у хозяйки в эту минуту было какое-то странное.

– Хвалили, наверное? – с беспокойством спросила она.

– Должно быть, хвалили, – произнес Мэйтэй и принялся с бесстрастным видом водить платком у меня перед глазами.

– Что ж, если книги нужны ему для дела, то тут ничего не поделаешь, но у него слишком много странностей.

«Ага, на этот раз повела наступление с другой стороны», –

подумал Мэйтэй, а вслух сказал, уклончиво, чтобы и хозяйку не обидеть, и хозяина защитить:

– Да, он действительно несколько странный, да ведь они, то есть люди, занимающиеся наукой, все такие.

– Недавно приходит он из школы и говорит, что должен немедленно куда-то идти и что переодеться поэтому не стоит. Потом, представляете, прямо в пальто садится на стол и принимается за еду. Дзэн⁵¹ он поставил на котацу. Я сидела рядом с миской в руках, и мне было очень странно видеть такую картину...

– Он, наверное, в эту минуту был похож на воина, рассматривающего отрубленную голову врага, только вместо кольчуги этот воин одет в модное пальто. Однако это весьма характерно для Кусями-куна – во всяком случае, не банально. – Мэйтэй изо всех сил старался выгородить своего приятеля.

– Банально или нет – женщине все равно не понять, но что бы вы ни говорили, его поведение переходит всякие границы.

– Банальность – самое худшее, – продолжал Мэйтэй. Однако его ответ совершенно не удовлетворил хозяйку. Она вдруг переменила тон и строго спросила:

– Вот вы без конца твердите: банальность, банальность. А что это такое – банальность?

– Банальность? Банальность – это... Трудновато объяс-

⁵¹ Дзэн – низкий обеденный столик.

нить сразу...

– Если это такая неопределенная вещь, ваша банальность, то навряд ли она означает что-то хорошее, – с чисто женской логикой напустилась хозяйка на гостя.

– Почему же неопределенная? Здесь все определенно, просто трудно объяснить.

– Во всяком случае, вы называете банальностью все, что вам не нравится, – сама того не сознавая, хозяйка попала в самую точку. Обстоятельства сложились так, что Мэйтэю нужно было срочно что-то предпринимать в отношении банальности.

– Хозяюшка, – сказал он, – примером банальности могут служить люди, которым «нет еще двадцати восьми–двадцати девяти лет, которые всем довольны и живут легко и бездумно», а если сказано «стоит прекрасный солнечный день», то можете быть уверены, что они непременно «отправятся гулять на дамбу Сумитэй, прихватив с собой сакэ во фляге из тыквы».

Хозяйка ничего не поняла из этого объяснения.

– Разве есть такие люди? – только и смогла промолвить она, а потом добавила, окончательно сдаваясь: – Уж очень сумбурное объяснение, мне его не понять.

– В таком случае приставьте к туловищу Бакина⁵² голову майора Пенденниса⁵³ и пустите их на год-другой в Европу.

⁵² Бакин (1767–1848) – популярный японский писатель.

⁵³ Пенденнис – персонаж романа Теккерея «История Пенденниса».

– И тогда получится банальность?

Мэйтэй ничего не ответил, а только засмеялся. Через минуту он сказал:

– А вообще-то можно сделать даже проще. Возьмите гимназиста, прибавьте к нему приказчика из магазина «Сирокция» и разделите пополам. Вот вам, пожалуйста, прекрасный образчик банальности.

– Даже так? – сказала хозяйка и погрузилась в раздумье – видно, ей было трудно переварить в своем сознании все сказанное Мэйтэем.

– Ты все еще здесь? – спросил хозяин, входя в гостиную и располагаясь рядом с Мэйтэем. Никто не заметил, когда он вернулся.

– Что значит «все еще здесь»? Ты же, сказал: «Подожди немного, я сейчас вернусь». Он всегда так, – встала хозяйка, обращаясь к Мэйтэю.

– Пока тебя не было, я всю твою подноготную узнал.

– Женщинам только дай поболтать. Вот если бы люди умели так же молчать, как этот кот, – проговорил хозяин и погладил меня по голове.

– Говорят, ты хотел накормить младенца тертой редькой...

– Хм, – усмехнулся хозяин, – сейчас знаешь, какие умные пошли младенцы. Спросишь его: «Детка, где горько?» – а он язык высовывает. Забавно!

– Фу, какая жестокость, будто собаку дрессируешь. Кста-

ти, скоро должен прийти Кангэцу.

– Кангэцу? – недоуменно переспросил хозяин.

– Ага. Я ему послал открытку: «К часу дня будь у Кусями».

– Что ты за человек, все делаешь, как тебе хочется, а с другими совсем не считаешься. Ну, скажи: для чего ты позвал Кангэцу?

– Да не я это придумал, Кангэцу-сэнсэй сам попросил. Сэнсэй сказал, что должен выступать с докладом в Физическом обществе. Я, говорит, буду репетировать, а ты слушай. Прекрасно, говорю, пусть тогда и Кусями послушает. Вот и решил пригласить его сюда... тебе же все равно делать нечего, он нисколько не помешает, почему бы не послушать. – Мэйтэй распоряжался как у себя дома. Возмущенный его бесцеремонностью, хозяин возразил:

– Но ведь я ничего не пойму в докладе по физике.

– Ты не думай, что этот доклад будет сухим и неинтересным, о каком-нибудь, скажем, сопле с магнитом. Тема его необычайно оригинальна и интересна – «Механика повешения». Рекомендую послушать.

– Тебе-то не мешало бы послушать, ведь это ты когда-то не смог повеситься, а мне...

– Признаться, я не ожидал, что человек, которого при одном упоминании «Кабуки» бросает в дрожь, вдруг придет к заключению, что он не в силах слушать подобный доклад, – как всегда шутливо промолвил Мэйтэй. Хозяйка захихикала

и, взглянув на мужа, поспешно вышла из комнаты. Хозяин молча гладил меня по голове. Я не могу припомнить другого такого случая, когда бы он делал это столь же учтиво.

Прошло несколько минут, и, как было условлено, пришел Кангэцу-кун. По случаю доклада, который ему предстояло прочесть сегодня вечером, он облачился в элегантный сюртук, высоко поднял белоснежный воротничок сорочки, и, таким образом, его мужская красота возросла ровно на двадцать процентов. «Извините, я немного опоздал», – спокойным тоном приветствовал он присутствующих.

– А мы уже ждем, ждем тебя, – откликнулся Мэйтэй. – Начинай побыстрее. – И, обращаясь к хозяину, спросил: – Ты не возражаешь? – Тому ничего не оставалось, как пробурчать «угу». Кангэцу-кун не спешил.

– Принесите мне, пожалуйста, стакан воды, – сказал он.

– Ого, все как полагается. Потом, чего доброго, начнешь требовать аплодисментов, – тараторил Мэйтэй. Кангэцу-кун достал из внутреннего кармана тезисы доклада и, положив их перед собой, с достоинством начал:

– Это всего лишь репетиция, поэтому прошу откровенно высказывать свое мнение... Осуждение преступников на смертную казнь через повешенье было распространено главным образом среди англосаксов, но если обратиться к временам более древним, то станет ясно, что повешенье являлось широко распространенным способом самоубийства. Известно, что у евреев существовал обычай убивать преступников,

забрасывая их камнями. В результате изучения Ветхого завета можно прийти к заключению, что слово «повешенье» означало «отдать на съедение хищным животным или птицам подвешенный на столбе труп преступника». Имеющиеся у Геродота сведения дают основания полагать, что евреи еще до выхода из Египта испытывали глубокое отвращение к выставлению трупов на всеобщее обозрение в ночное время. Говорят, что египтяне отрубали преступникам головы, а к крестам прибавляли только их тела. Персы...

– Кангэцу-кун, – перебил его Мэйтэй, – а ничего, что ты постепенно отвлекаешься от темы?

– Сейчас я перейду к основной части доклада, потерпите немного... Итак, как же поступали персы? По всей вероятности, они тоже прибегали к распятию преступников на кресте. Неясно только, когда они приколачивали их гвоздями к кресту – уже после смерти или заживо...

– Это неважно, – со скучающим видом заметил хозяин.

– Я бы еще о многом хотел вам рассказать, но боюсь затруждать...

– По-моему, «утруждать» звучит лучше, чем «затруждать». А, Кусями-кун? – не отставал Мэйтэй от докладчика.

– Все равно, – равнодушно ответил хозяин.

– Переходя к главной теме доклада, я поведаю...

Но тут опять вмешался Мэйтэй-сэнсэй:

– Это сказители так говорят – «поведаю»? Было бы желательно, чтобы докладчик употреблял более изысканные сло-

ва.

– Если «поведаю» – неподходящее слово, то как же следует говорить? – спросил Кангэцу; в голосе его слышалось раздражение.

– Мне неясно, зачем пришел сюда Мэйтэй – слушать или только мешать. Кангэцу-кун, не обращай внимания на этого горлопана и делай спокойно свое дело, – поспешил вмешаться хозяин.

– «И в раздражении поведал он про иву», – последовал ответ, как всегда неожиданный. Кангэцу невольно прыснул.

– Применение повешения в чистом виде, как мне удалось выяснить, описывается в двадцать второй песне «Одиссеи». Точнее, это та самая строфа, где рассказывается о том, как Телемах повесил двенадцать рабынь Пенелопы. Хорошо бы прочитать это место на греческом языке, но могут подумать, что я хвастаюсь, а потому придется отказаться от этой затеи. Однако вы легко можете убедиться в правильности моих ссылок, прочитав строки четыреста шестьдесят пятую– четыреста семьдесят третью.

– Греческий язык и все связанное с ним лучше выбросить, а то это смахивает на хвастовство. Правда, Кусями-кун?

– Я тоже согласен, не надо выхваляться, так будет гораздо солиднее, – поддержал хозяин Мэйтэя, чего раньше никогда не случалось. И тот, и другой совершенно не знали греческого.

– Тогда сегодня вечером я опущу эти несколько фраз и

повед... э-э, пойду дальше. Представим себе, как осуществлялось это повешенье. Оно могло выполняться двумя способами. Первый заключается в том, что Телемах с помощью Евмея и Филойтия привязал один конец веревки к столбу. Затем наделал на ней петли, просунул в каждую петлю голову женщины и сильно натянул другой конец...

– Короче говоря, эти женщины висели на веревке, как рубашки в европейской прачечной.

– Вот именно. Второй способ сводится к следующему: как и в первом случае, один конец веревки привязывается к столбу, а другой конец закрепляется высоко под сводом. К этой туго натянутой веревке прикрепляется еще несколько веревок. На них делают петли, надевают их женщинам на шею и в какой-то момент выталкивают подставки у женщин из-под ног.

– Для наглядности будет уместным вспомнить, скажем, о том, как висят на веревочной шторе круглые фонарики.

– Мне никогда не приходилось видеть круглый фонарик, поэтому я ничего не могу сказать по этому поводу, но если предположить, что таковые действительно существуют, то они-то, наверное, и подойдут... Итак, попытаемся доказать, что с точки зрения законов механики первый случай никак не мог иметь место.

– Интересно, – сказал Мэйтэй.

– Угу, интересно, – согласился с ним хозяин.

– Вначале предположим, что женщины были подвешены

на равном расстоянии друг от друга. Через $a_1, a_2 \dots a_6$ обозначим углы, образуемые веревкой с линией горизонта, $T_1, T_2 \dots T_6$ примем за силы, действующие на каждую часть веревки. Через $T = X$ обозначим силу, действующую на веревку в самой нижней ее части. W – вес женщин, запомните это. Ну как, понятно?

Мэйтэй с хозяином переглянулись и ответили:

– В основном понятно.

Однако это «в основном» было сказано совершенно произвольно и отнюдь не означало, что то же самое можно будет сказать и о других слушателях.

– Итак, на основании известной вам теории равновесия для многоугольников получаем следующие двенадцать уравнений:

$$T_1 \cos a_1 = T_2 \cos a_2$$

$$T_2 \cos a_2 = T_3 \cos a_3 \dots$$

– Вероятно, достаточно формул, – грубо прервал его хозяин.

– Но ведь суть доклада именно в этих уравнениях. – Канг-эцу-кун был страшно обескуражен. Мэйтэй тоже выглядел несколько смущенным.

– Раз в этом вся суть, – сказал он, – то, может, вернемся к ним позже?

– Если опустить эти формулы, то и все мое исследование, на которое я затратил столько сил, пойдет насмарку...

– Да чего ты стесняешься, выбрасывай поскорее, – спо-

койно произнес хозяин.

– Ну что ж, будь по-вашему, но только зря это.

– Вот теперь хорошо, – к моему несказанному удивлению, захлопал в ладоши Мэйтэй.

– Перейдем к Англии. Упоминание в «Беовульфе»⁵⁴ слова «галга», то есть «виселица», позволяет думать, что смертная казнь через повешение, несомненно, была введена уже в ту эпоху. Согласно Блэкстону⁵⁵, если приговоренный к повешению преступник почему-либо не умирал на виселице, он должен был подвергнуться этому наказанию вторично, но, как ни странно, в «Петре Пахаре»⁵⁶ встречается такая фраза: «Каким бы ни был злодей, нет такого закона, чтобы вешать его дважды». Известно, кто из них прав, но есть немало примеров, когда из-за нерадивости палача преступник не мог умереть сразу. В тысяча семьсот восемьдесят шестом году состоялась казнь через повешение знаменитого преступника Фицджеральда. Однако по странному стечению обстоятельств в тот момент, когда выбили подставку у него из-под ног, веревка оборвалась. Начали все снова, но на этот раз веревка оказалась слишком длинной, ноги преступника коснулись земли, и он снова остался жив. И только на третий раз,

⁵⁴ «Беовульф» – англосаксонская эпическая поэма. В основе поэмы лежат народные сказания о спасении Дании от страшного дракона.

⁵⁵ Блэкстон Уильям (1723–1780) – английский юрист, автор четырехтомного труда «Комментарии к английским законам».

⁵⁶ «Видение о Петре Пахаре» (1362) – выдающаяся социальная поэма английского поэта Уильяма Ленгленда (родился около 1332 г. – год смерти неизвестен).

уже с помощью зрителей удалось довести дело до конца.

– Дальше, дальше, – внезапно оживился Мэйтэй. Даже хозяин проявил какие-то признаки заинтересованности.

– Вот уж действительно смерть не берет, – проговорил он.

– Еще одна интересная деталь: говорят, что у повешенного увеличивается рост ровно на сун⁵⁷. Здесь не может быть никакой ошибки, врачи точно измерили.

– Это что-то новое. Взяли бы да повесили на минутку, скажем, Кусями-куна, глядишь, он подрос бы на целый сун и стал бы таким же, как все остальные люди, – сказал Мэйтэй и оглянулся на хозяина. А тот вопреки ожиданиям с очень серьезным видом спросил:

– Кангэцу-кун, были такие случаи, когда люди вырастали на целый сун и после этого?

– Такое совершенно исключено. Дело в том, что в таком положении у человека вытягивается спинной мозг, короче говоря, тело не просто удлиняется, а в нем происходят разрывы.

– Тогда не надо. – Хозяин сразу же отказался от этой затеи.

Конца доклада не было видно, докладчик намеревался даже охарактеризовать физиологические процессы, совершающиеся в организме повешенного, но Мэйтэй непрестанно лез со своими дурацкими репликами, а хозяин то и дело зевал во весь рот, поэтому Кангэцу, остановившись на полу-

⁵⁷ Сун – мера длины, равная 3,03 см.

слове, собрал свои бумаги и ушел. У меня не было возможности узнать, как держался Кангэцу-кун в тот вечер, как он ораторствовал, – всё это происходило где-то очень далеко.

Несколько дней прошло спокойно, но однажды, около двух часов пополудни, неожиданно как снег на голову свалился Мэйтэй-сэнсэй. Не успев сесть, он заговорил, да так оживленно, будто пришел сообщить по меньшей мере о падении Порт-Артура:

– Ты слышал, что произошло с Оти Тофу в Таканаве?

Хозяин, как всегда, угрюмо ответил:

– Нет, я уже давно с ним не встречался.

– Мне захотелось поведать тебе о неудаче, постигшей Тофу, вот я и пришел, несмотря на занятость.

– Опять преувеличиваешь, наглец ты этакий.

– Ха-ха-ха, не наглец, а бесцеремонный, прошу запомнить, ведь это касается моей чести.

– А, все равно, – как ни в чем не бывало ответил хозяин. Настоящее воплощение Тэннэн Кодзи!

– Говорят, что в прошлое воскресенье Тофу отправился в Таканаву, в храм Сэнгакудзи. Правда, в такую погоду лучше было бы не ездить... Поехать в Сэнгакудзи или в другое подобное место мог додуматься лишь какой-нибудь провинциал, который совершенно не знает Токио.

– Это уже его дело. Ты не имеешь права ему запретить.

– Такого права у меня действительно нет. Да не в правах дело. В том храме есть балаган, называется он «Общество по

охране вещей Гиси». Тебе известно об этом?

– Нет...

– Как, неужели неизвестно? Но ведь тебе приходилось бывать в Сэнгакудзи.

– Нет, не приходилось.

– Ну... Поразительно. Теперь понятно, почему ты изо всех сил защищаешь Тофу. Как тебе не стыдно – уроженец Эдо⁵⁸ и не знаешь Сэнгакудзи.

– Учителю этого можно и не знать. – Хозяин все больше и больше уподоблялся Тэннэн Кодзи.

– Ну, ладно. Итак, Тофу был занят осмотром выставки, когда пришли немцы – муж и жена. Они о чем-то спросили Тофу по-японски. Но ведь сэнсэй такой человек, ему ничего не надо – дай только поговорить по-немецки. И он без запинки выпалил несколько немецких слов. Неожиданно для него самого получилось очень здорово – уже потом он пришел к выводу, что в этом-то и крылась причина случившегося с ним несчастья.

Мало-помалу Мэйтэю удалось заинтриговать хозяина.

– Что же было потом? – нетерпеливо спросил тот.

– Немцы увидели футляр для лекарств с инкрустациями по лаку, некогда принадлежавший Отака Гэнго, и спросили, можно ли его купить. И вот что ответил им Тофу. Послушай, это очень забавно. «Японцы, – сказал он, – честный и неподкупный народ, поэтому ничего у вас не получится». До сих

⁵⁸ Эдо – старинное название города Токио.

пор все шло более или менее благополучно, но потом немцы, обрадованные тем, что им попался человек, умеющий говорить по-немецки, засыпали его вопросами.

– Что же они спрашивали?

– Что! Если бы он только знал что, тогда бы можно было не беспокоиться, но немцы буквально забрасывали его вопросами и говорили так быстро, что он не мог ничего понять. Он лишь понимал, что его спрашивают о баграх да таранах, но полного смысла не улавливал. Сэнсёю пришлось очень туго, потому что он никогда не учил, как будет по-немецки багор или таран.

– Оно, конечно, так, – сочувственно вздохнул хозяин, вспоминая, что ему пришлось испытать самому за годы работы в школе.

– Тут, привлеченные диковинным зрелищем, понемногу стали собираться зеваки. Они окружили Тофу и немцев и глазели на них. Тофу покраснел и окончательно смутился. На смену первоначальной бодрости пришла полная растерянность.

– Чем же все это кончилось?

– Тофу не мог больше выдержать ни минуты и, буркнув по-японски «до свиденья», бросился наутек. Я потом спросил его: «“До свиденья” звучит несколько странно, что, разве у тебя на родине вместо “до свидания” говорят “до свиденья”?» – «Почему же, – ответил он, – у нас тоже говорят “до свидания”, но поскольку моими собеседниками были

иностранцы, я специально для гармонии произнес “до свиденья”». Я просто в восторге: вот человек, даже в трудную минуту не забывает о гармонии.

– Ну ладно, значит, он сказал «до свиденья», а что же иностранцы?

– Те, говорят, были ошеломлены и только таращили глаза, ха-ха-ха... Забавно, правда?

– Ничего особенно забавного я здесь не вижу, гораздо забавнее то, что ты специально пришел рассказать мне об этом, – сказал хозяин и стряхнул пепел с папиросы. В эту минуту у ворот кто-то громко позвонил, и резкий женский голос спросил: «Разрешите?», Мэйтэй и хозяин удивленно переглянулись и замолчали.

«Женщины являются к нам не так уж часто», – подумал я, и в ту же минуту в комнату вошла обладательница этого резкого голоса, волоча по полу подол своего двойного крепдешинового кимоно. Лет ей было, наверное, немногим больше сорока. Прорезанная глубокими залысинами копна волос возвышалась над лбом подобно дамбе, высота прически составляла примерно половину длины лица. Щелки глаз, еще более узкие, чем у кита, поднимались круто к вискам, подобно склонам насыпи. Ее нос был необычайно крупный. Невольно создавалось впечатление, что раньше этот нос принадлежал кому-то другому, но женщина похитила его и пересадила на свое лицо. Как огромный каменный фонарь, перенесенный из храма поклонения духам павших воинов на ма-

ленький, всего в три цубо двор, он закрывал почти все лицо и все-таки казался каким-то совершенно инородным телом. Это был из тех носов, которые называют носами-крючками; однажды он принялся изо всех сил тянуться вверх, но по пути заскромничал и, решив вернуться на прежнее место, наклонился, да так и остался висеть, заглядывая в находящийся прямо под ним рот. Когда женщина начинала говорить, то благодаря столь необычайной форме ее носа складывалось впечатление, что она делает это не при помощи рта, а скорее при помощи носа. Для того чтобы выразить свое уважение к этому великолепному носу, я намерен впредь, говоря об этой женщине, называть ее Ханак⁵⁹.

Покончив с приветствиями, которые произносятся при первом знакомстве, Ханак⁵⁹ внимательным взором обвела гостиную и сказала: «Прекрасный у вас дом». «Ври больше», – подумал про себя хозяин, попыхивая сигаретой. Мэйтэй, глядя в потолок, произнес: «Смотри, какой странный узор. Это что, от дождя? Или там просто доски такие?» – и тем самым намекнул хозяину, о чем следует говорить. «От дождя, конечно», – ответил хозяин. «Прекрасно», – с серьезным видом произнес Мэйтэй. «Ну и люди, совсем не умеют держать себя в обществе», – возмутилась в глубине души Ханак⁵⁹. Некоторое время все сидели молча.

– Мне хотелось бы кое-что спросить у вас, поэтому я и пришла, – снова заговорила гостья.

⁵⁹ Ханак⁵⁹ – по-японски означает «госпожа Нос».

– А-а, – безразличным тоном протянул хозяин.

«Нет, так дело не пойдет», – подумала Ханako и сказала:

– Собственно говоря, я живу совсем рядом – в угловом особняке, на противоположной стороне переулka.

– Такой большой европейский дом с амбаром? То-то на нем висит дощечка с надписью «Канэда», – кажется, дошло наконец до сознания хозяина, что речь идет о доме Канэда и амбаре Канэда, но от этого почтительности к госпоже Канэда у него не прибавилось.

– Вообще-то с вами должен был разговаривать мой муж, но дела фирмы отнимают у него слишком много времени... – сказала Ханako. В глазах у нее светилось торжество: «Теперь-то, наверное, проняло немного». Однако на хозяина это сообщение не произвело никакого впечатления. Манера Ханako говорить показалась ему слишком свободной для женщины, впервые встретившейся с незнакомым мужчиной, и он почувствовал раздражение.

– И даже не одной фирмы, а сразу двух или трех, – продолжала гостя. – И во всех трех он директор... Да вы, наверное, знаете.

«Неужели и это не произведет желаемого эффекта», – было написано у нее на лице. При одном упоминании имен крупных ученых или профессоров хозяин преисполнялся благоговения, к дельцам же, как ни странно, он не питал почти никакого уважения. Он был твердо убежден, что учитель гимназии на две головы выше любого дельца. А если бы да-

же у него и не было такого убеждения, то все равно весьма сомнительно, чтобы он со своим неуживчивым характером мог снискать расположение деловых людей. С этой мыслью хозяин уже давно примирился и был совершенно равнодушен к радостям и печалям людей, на благодеяния со стороны которых он не рассчитывал. Поэтому во всех вопросах, не имеющих отношения к научному миру, он был совершеннейшим профаном, и это проявлялось особенно ярко, когда речь заходила о деловом мире: он не имел никакого понятия о том, кто к нему принадлежит, чем там занимаются. А если бы даже и знал, все равно не смог бы испытывать к этому миру чувство покорной учтивости. Ханако и во сне не могло присниться, что где-то на земле, под одним с ней солнцем обитает такой чудак. Ей не раз приходилось иметь дело с людьми разного положения и разного нрава, и стоило ей только сказать: «Я – жена Канэда», – как тотчас же перед ней широко распахивались двери в любое общество, она была вхожа к любому человеку, какое бы высокое положение он ни занимал. Поэтому она была уверена, что достаточно будет сказать этому зачехшему в четырех стенах престарелому сэнсэю: «Я живу в угловом особняке, на противоположной стороне переуллка», – чтобы тот, не спросив даже, чем занимается ее муж, пришел в неописуемый восторг.

– Ты знаешь, кто такой Канэда? – пренебрежительным тоном спросил хозяин Мэйтэя.

– Конечно, знаю. Канэда-сан друг моего дяди. Недавно

они вместе были на пикнике, – серьезно произнес Мэйтэй.

– Гм! А кто твой дядя?

– Барон Макияма, – ответил Мэйтэй еще серьезнее. Хозяин хотел что-то возразить, но не успел он раскрыть рта, как Ханако резко повернулась к Мэйтэю и внимательно посмотрела на него. Лицо Мэйтэя, который сегодня поверх кимоно из цумуги надел еще кимоно из заморского шелка, оставалось бесстрастным.

– Ах, значит, вы господина Макияма... Кем же вы ему приходитесь? Извините великодушно, я этого совсем не знала. Мой муж часто повторяет: «Мы всем обязаны господину Макияма».

Она вдруг заговорила вежливым тоном и в довершение всего склонилась перед Мэйтэем в низком поклоне.

– Э, полноте, – засмеялся Мэйтэй. Хозяин был совершенно сбит с толку и только молча наблюдал за происходящим.

– Он просил господина Макияма позаботиться и о будущем нашей дочери...

– Вот как?

Даже для Мэйтэя это прозвучало слишком неожиданно, и он не мог скрыть удивление.

– Вообще-то многие просят ее руки, но ведь мы люди с положением и не можем отдать ее за первого попавшегося...

– Совершенно справедливо, – ответил Мэйтэй, постепенно успокаиваясь.

– Вот я и пришла поговорить с вами, – заговорила Хана-

ко своим прежним высокомерным тоном, обращаясь к хозяину. – Говорят, к вам часто заходит человек по имени Мидзусима Кангэцу. Что он собой представляет?

– А для чего вы спрашиваете о Кангэцу? – неприязненно спросил хозяин.

«Наверно, это связано с замужеством их дочери, и им хочется все о нем разузнать», – догадался Мэйтэй.

– Было бы очень хорошо, если бы вы рассказали мне о нем.

– Значит, вы сказали, что хотите выдать свою дочь за Кангэцу, – начал было хозяин, но Ханako тут же заставила его замолчать:

– Никто этого не хочет. У нас предложений сколько угодно, так что ничего страшного не случится, если он не женится на ней.

– Тогда вам нечего о нем расспрашивать, – вспылил хозяин.

– Но скрывать тоже не стоит, – с угрозой в голосе заметила Ханako.

Мэйтэй сидел между ними и, держа свою серебряную трубку наподобие гумпай-утива⁶⁰, выкрикивал про себя: «Хаккэ, ёй-я, ёй-я!»⁶¹

– А сам-то Кангэцу говорил, что непременно хочет же-

⁶⁰ Гумпай-утива – жезл, который держит в руках судья во время встречи по японской борьбе сумо.

⁶¹ «Хаккэ, ёй-я, ёй-я!» – выкрики, которыми сопровождается эта борьба.

ниться на ней? – спросил хозяин в упор.

– Сам он этого не говорил, но...

– Но вы думаете, что хочет? – сказал хозяин, очевидно понимая, что с такой женщиной надо говорить только так.

– До этого дело не дошло... Но Кангэцу-сан, наверное, не прочь жениться на нашей дочери. – Ханако попыталась исправить положение как раз в тот момент, когда она уже была оттеснена к самому краю арены.

– А Кангэцу как-нибудь выказал свои чувства к вашей дочери? – спросил хозяин, всем своим грозным видом как бы говоря: «Попробуй только скажи, что выказывал», – и откинулся назад.

– Должно быть, примерно так.

На этот раз «лобовая атака» не достигла цели. Даже у Мэйтэя, который до сих пор с интересом наблюдал за происходившей сценой, корча из себя арбитра, слова Ханако вызвали любопытство. Он отложил в сторону трубку и весь подался вперед.

– Кангэцу даже писал вашей дочери любовные письма? Вот здорово! Еще один анекдот в Новом году прибавился, будет что рассказать, – радовался он про себя.

– Если бы только любовные письма! Хуже! Да как будто вы не знаете, – язвительным тоном сказала Ханако.

Хозяин, словно помешанный, повернулся к Мэйтэю и спросил:

– Тебе что-нибудь известно об этом?

Ответ Мэйтэя прозвучал не менее странно.

— Мне ничего не известно, уж если кто должен знать, так это ты, — ни с того ни с сего заскромничал он.

И лишь одна Ханako сидела с торжествующим видом.

— Нет, — сказала она, — вы оба должны знать об этом.

«Оба», пораженные, воскликнули в один голос:

— Что?!

— А если забыли, то я напому. В конце прошлого года у Абэ-сана в Мукодзиме был концерт, Кангэцу-сан тоже на нем присутствовал, верно? Вечером, когда он возвращался домой, на мосту Адзумабаси что-то произошло... я не хочу вдаваться в подробности, возможно ему это будет неприятно, — но думаю, что этих доказательств вполне достаточно. Ну, так как?

И, упершись в колени унизированными бриллиантами пальцами, Ханako как ни в чем не бывало стала усаживаться поудобнее. Ее нос становился все великолепнее, а Мэйтэй и хозяин для нее уже как будто не существовали.

Не говоря уже о хозяине, даже Мэйтэй, казалось, был поражен этим внезапным ударом, и некоторое время оба находились в состоянии полной прострации, но когда постепенно оправились от потрясения, то сразу почувствовали весь комизм положения и, словно сговорившись, разразились громким хохотом. Только Ханako, видя, что все идет не так, как ей хотелось бы, сидела мрачная и злая, всем своим видом как бы говоря: «Мол, это же очень невежливо, смеяться в такой

момент».

– Так это была ваша дочь? Здорово! Все было, как вы говорите, а, Кусями-кун? Не иначе Кангэцу влюблен в их дочь... Теперь уже нечего скрывать, давай признаемся.

– Угу, – только и буркнул в ответ хозяин.

– Конечно, чего там скрывать, и так уже все ясно. – К Ханako вернулось ее обычное самодовольство.

– Ладно, так уж и быть. Расскажем вам все, что знаем о Кангэцу-куне. Кусями-кун! Ты же хозяин. Перестань смеяться, а то так мы никогда не кончим. Ох, и страшная же это вещь – тайна. Сколько ни прячь, все равно как-нибудь обнаружится. Но вот что странно. Как это госпоже Канэда удалось проведать обо всем? Просто удивительно, – разболтался Мэйтэй.

– Я-то всегда начеку, – с победоносным видом заявила Ханako.

– По-моему, даже слишком начеку. А все-таки от кого вы узнали об этом?

– От жены рикши, что живет рядом с вами.

– Того самого рикши, у которого есть черный кот? – спросил хозяин. От удивления у него глаза вылезли на лоб.

– Да, того самого. Я частенько пользовалась ее услугами в этом деле. Мне было интересно узнать, о чем говорит Кангэцу-сан каждый раз, когда приходит сюда, вот я и попросила ее подслушать, а потом рассказать мне.

– Какой ужас, – воскликнул хозяин, глядя на Ханako ши-

роко раскрытыми глазами.

– Пустяки. Что делаете и что говорите вы, меня совсем не интересует. Только Кангэцу-сан.

– Да хоть Кангэцу, хоть кто... В общем, проделки этой бесстыдницы, жены рикши, мне совсем не по вкусу, – разозлился хозяин.

– Разве она не может подойти к вашему забору и стоять там, сколько ей вздумается? А если вам не нравится, что ваши разговоры слушают другие, то или говорите тише, или переезжайте в другой дом, который побольше, – без тени смущения заявила Ханако. – И не только жена рикши. Кое-что мне рассказала также учительница музыки.

– О Кангэцу?

– Не только о Кангэцу-сане, – с угрозой в голосе ответила Ханако.

«Не по себе ему, наверное, сейчас», – только успел я подумать о своем хозяине, как тот произнес:

– Эта учительница, которая корчит из себя благородную, набитая дура...

– Позволю себе заметить, она все-таки женщина. Так что со своим «набитая дура» вы ошиблись адресом.

Манеры Ханако красноречиво говорили о том, что собой представляет эта женщина. Она, кажется, явилась сюда только затем, чтобы устроить скандал. Мэйтэй, как всегда, был верен себе и с интересом наблюдал за перепалкой между хозяином и Ханако. Он был совершенно невозмутим и очень

напоминал отшельника Тэккая, следящего за боем сиамских петухов.

Хозяин, понимая, что по части колкостей Ханако намного превзошла его, был вынужден на некоторое время замолчать. Но тут его неожиданно осенила какая-то идея.

– Вы изображаете дело так, словно Кангэцу влюблен в нашу дочь, а я слышал совсем по-другому, ведь правда, Мэйтэй-кун? – воскликнул хозяин, призывая в свидетели Мэйтэя.

– Да, он нам тогда рассказывал, будто ваша дочь заболела... что-то там говорила в бреду.

– Ничего подобного, – воскликнула госпожа Канэда, теперь она выражалась более четко и определенно.

– Однако Кангэцу говорил, что действительно слышал об этом от жены одного профессора.

– Ведь это моих рук дело, я сама попросила профессоршу сделать так, чтобы Кангэцу-сан обратил внимание на нашу дочь.

– И профессорша согласилась?

– Да. Не даром, конечно. Пришлось потратиться.

– Значит, вы решили не возвращаться домой до тех пор, пока не узнаете о Кангэцу-куне всю подноготную? – спросил Мэйтэй необычайно грубым тоном: видно, ему тоже надоела Ханако. – Кусями-кун, если и будем рассказывать, то так, чтобы он не пострадал от этого... Сударыня, мы, я и Кусями, расскажем вам о Кангэцу-куне лишь то, что не сможет повредить. Лучше всего, если вы будете спрашивать по по-

рядку.

Ханако в конце концов согласилась и стала не спеша задавать вопросы. Теперь она снова заговорила вежливым, учтивым тоном.

– Говорят, что Кангэцу-сан физик, но не могли бы вы рассказать, что он избрал своей специальностью?

– В аспирантуре он занимается изучением земного магнетизма, – серьезным тоном отвечал хозяин.

К несчастью, Ханако не поняла, что это означает, и, хотя она многозначительно воскликнула «о!», лицо ее изображало недоумение.

– А он сможет стать доктором наук, если будет продолжать заниматься?

– Вы хотите сказать, что если он не станет доктором, то вы не отдадите за него свою дочь? – с неприязнью спросил хозяин.

– Конечно, – совершенно спокойным тоном ответила Ханако. – Ведь людей, которые просто окончили университет, сколько угодно.

Хозяин взглянул на Мэйтэя, и его лицо выразило еще большее отвращение.

– Мы не можем точно сказать, станет он доктором или нет. Спросите о чем-нибудь другом. – Мэйтэю тоже было явно не по себе.

– Он и сейчас занимается этим самым земным... ну, как его?

– Несколько дней тому назад он сделал в Физическом обществе доклад о результатах своего исследования на тему «Механика повешения», – поспешил сообщить хозяин.

– Фу, мерзость какая! Повешение... Уж очень он странный человек. С этим повешением или еще там с чем-то ему никогда не стать доктором.

– Конечно, если он сам повесится, то сделать это будет трудно, но не исключена возможность, что благодаря именно «Механике повешения» он станет доктором, – сказал Мэйтэй.

– Вот как? – произнесла Ханako, переводя испытующий взгляд на хозяина. К сожалению, она не понимала значения слова «механика», поэтому испытывала беспокойство. Однако госпожа Канэда, очевидно, решила, что ей не пристало обнаруживать свою необразованность, и ей ничего не оставалось, как попытаться что-нибудь понять по выражению лиц своих собеседников. У хозяина лицо было хмурым.

– А еще чем-нибудь другим, более понятным, он не занимается?

– Недавно он написал трактат «От рассмотрения устойчивости желудей к вопросу о движении небесных тел».

– Неужели в университете изучают даже какие-то там желуди?

– Я тоже всего лишь дилетант и точно сказать не могу, но если этим занимается Кангэцу-кун, значит вещь стоящая, – с серьезным видом подтрунивал Мэйтэй.

Ханако, кажется, поняла, что разговоры о науке ей не по зубам, и, решив больше не задавать никаких вопросов, поспешила перевести разговор на другую тему.

– Теперь бы мне хотелось спросить о другом... Ведь правда, что он на Новый год сломал два передних зуба, когда ел грибы?

– Это вопрос мой, – оживился Мэйтэй. – Правда. Сейчас у него на том месте прилепился кусок куямоти.

– Неужели ему совершенно несвойственно щегольство? Почему он не пользуется зубочисткой?

– Непременно укажу ему на это при первой же встрече, – ухмыльнулся хозяин.

– Мне кажется, что у него очень плохие зубы, если даже о грибы ломаются. Верно?

– Пожалуй, не скажешь, что хорошие, а как ты думаешь, Мэйтэй?

– Не хорошие, но довольно симпатичные. Вот только непонятно, почему он до сих пор не вставил новые. Очень странно смотреть на эти залежи куямоти.

– Не вставляет потому, что нет денег, или просто из прихоти?

– Успокойтесь, долго ходить беззубым он не будет. – К Мэйтэю постепенно возвращалось хорошее расположение духа.

Ханако заговорила снова:

– Мне хотелось бы взглянуть на какое-нибудь его письмо

или еще что-нибудь в этом роде, если у вас, конечно, есть.

– Разве что открытки, у меня их много, вот посмотрите, пожалуйста.

И хозяин принес из кабинета три или четыре десятка открыток.

– Мне не надо так много... Только парочку...

– Ну-ка дай, я выберу, какие лучше, – сказал Мэйтэй и протянул Ханако открытку с картинкой. – Вот, кажется, интересная.

– О, даже с картинкой, очень красивая картинка, посмотрим... Фу, барсук! Почему он решил нарисовать барсука? Барсук здесь прямо как настоящий, удивительно! – воскликнула Ханако с восхищением.

– Вы прочитайте, что там написано, – смеясь, сказал хозяин.

Ханако читала так же, как читает наша служанка.

– «В последний день года по лунному календарю горные барсуки устраивают гуляние и танцуют до упаду. В песне, которую они поют, говорится: “Сегодня вечером к концу подходит год, и даже ‘по горам идущий’ сегодня к нам не забредет. Тра-та-та-та”». Что это такое? Насмешка какая-то, – рассердилась Ханако.

– А эта богиня вам нравится? – спросил Мэйтэй, протягивая ей еще одну открытку. На открытке была изображена богиня в хагоромо⁶², играющая на биве⁶³.

⁶² Хагоромо – легкая одежда из птичьих перьев. Одежда феи в одной из пьес

– Кажется, у этой богини слишком маленький нос.

– Самый обыкновенный. Да вы не на нос смотрите, а читайте, что написано.

А написано там было следующее:

«В старину жил где-то астроном. Однажды вечером он, как обычно, поднялся на высокую башню и стал внимательно рассматривать звезды. Неожиданно в небе появилась прекрасная богиня, и на землю полились звуки чарующей музыки, какой не услышишь в нашем мире; астроном стоял словно замороженный, совершенно забыв даже о пронизывавшем насквозь холоде. А утром нашли труп астронома, совершенно белый от инея. “Это правдивая история”, – сказал старик лгун».

– Что такое? Здесь же нет никакого смысла! И это писал физик. Хоть бы почитал изредка журнал «Литературный клуб»... – На Кангэцу-куна обрушился поток брани.

– А как эта? – полушутливо спросил Мэйтэй и подал Ханакко третью открытку. На этой открытке был изображен парусник, а внизу, как обычно, виднелась небрежно сделанная надпись:

«Маленькая ночная гетера у переправы просыпается на рассвете от крика куликов, что бродят по берегу бурного моря, и плачет – нет у нее родителей. Отец, моряк, – на дне морском».

– Великолепная вещь! Восхитительно! Как он хорошо все понимает, как чувствует! – вскричала гостья.

– Вы считаете, что понимает?

– Конечно. Под сямисэн можно петь.

– Тогда получится настоящий шедевр. А как вам нравятся эти? – спросил Мэйтэй, засыпая Ханako открытками.

– Хватит, хватит, мне и так уже ясно, что он знает толк в чайных домиках. – Восторгу Ханako, казалось, нет предела.

Ханako, видимо, уже выяснила все интересовавшие ее вопросы относительно Кангэцу и под конец выдвинула весьма любопытное требование:

– Я очень извиняюсь перед вами. Не говорите, пожалуйста, Кангэцу-сану, что я была у вас.

Она, очевидно, считала, что имеет право знать о Кангэцу все, а тому нельзя о ней рассказывать ничего.

– Да, конечно, – уклончиво ответили Мэйтэй и хозяин.

Ханako поднялась и направилась к выходу, многозначительно сказав при этом: «А я на днях отблагодарю вас».

Когда хозяин и Мэйтэй, проводив гостью, вернулись в гостиную, каждый из них обратился к другому с одним и тем же вопросом: «Что это значит?» Хозяйка, находившаяся в соседней комнате, тоже не выдержала: оттуда слышалось приглушенное хихиканье.

Мэйтэй громко крикнул:

– Хозяюшка, а хозяйюшка, вот приходил типичный образец банальности! Когда банальность достигает такой степе-

ни, она становится типичной банальностью. Так что вы не стесняйтесь, смейтесь сколько угодно.

– Главное, лицо у нее неприятное, – с раздражением проговорил хозяин.

– А какой великолепный нос! – подхватил Мэйтэй.

– И кривой к тому же.

– Сутуловат немного. Сутулый нос! Сверхоригинально, – воскликнул Мэйтэй и засмеялся, довольный своим сравнением.

– Такие особы верховодят мужьями, – произнес хозяин с еще большей досадой.

– Похожа на товар, не распроданный в девятнадцатом веке и залежавшийся на полке до двадцатого.

Мэйтэй всегда говорит какие-то непонятные вещи. Тут в комнату вошла хозяйка и предупредила с чисто женской осторожностью:

– Будете громко ругаться, опять жена рикши все услышит и передаст ей.

– Пусть передаст, ей это пойдет только на пользу.

– Но ведь неблагородно критиковать чье-нибудь лицо. Не по своей же воле она ходит с таким носом. Это очень нехорошо еще и потому, что она дама.

Защищая нос Ханакко, хозяйка одновременно защищала и свою собственную наружность.

– Почему же неблагородно? Разве это дама?! Не дама, а настоящая дура, вот она кто. Правда, Мэйтэй?

– Может, и дура, но все равно молодец. Какую нам вывочку устроила!

– Во-первых, кто в ее представлении преподаватель?

– То же, что и рикша, который живет по соседству с твоим домом. Чтобы заслужить уважение такой особы, нужно быть по меньшей мере доктором. В общем, ты сделал большую ошибку, что не стал доктором, а как вы считаете? – сказал Мэйтэй, обращаясь к хозяйке.

Но даже она считала мужа совершенно безнадежным.

– Профессор из него ни за что не получится, – сказала она.

– А может, и стану скоро, ты напрасно пренебрегаешь мною. Тебе, конечно, неизвестно, что в древние времена человек по имени Исократ⁶⁴ написал большую книгу в возрасте девяноста четырех лет. Софокл создавал шедевры, удивлявшие весь мир, когда ему было почти сто лет. Восьмидесятилетний Симоноид⁶⁵ сочинял чудесные стихи. Я же...

– Глупости все это, да вы ни за что не проживете столько с вашим желудком, – выпалила хозяйка, будто бы она точно подсчитала, сколько ее мужу осталось жить.

– Грубиянка!.. Пойди и сама спроси у Амаки-сана... Ты всегда даешь мне мятые черные хаори, заплатанные кимоно. Теперь понятно, почему эта женщина ни во что меня не ста-

⁶⁴ Исократ (436–338 гг. до н. э.) – выдающийся древнегреческий публицист, автор многочисленных речей и памфлетов.

⁶⁵ Симоноид (ок. 556–ок. 469 гг. до н. э.) – древнегреческий поэт-лирик, автор гимнов, стихов на героические темы.

вит. С завтрашнего дня я буду носить такие же вещи, какие носит Мэйтэй, приготовь.

– «Приготовь»! Но у вас ведь нет такой прекрасной одежды. И потом, жена Канэда была вежлива с Мэйтэй-саном только потому, что он упомянул имя своего дяди. Одежда здесь ни при чем, – ловко отвела упрек хозяйка.

Хозяин, который при слове «дядя» как будто вдруг вспомнил о чем-то, спросил Мэйтэя:

– Я никогда не знал, что у тебя есть дядя. Ты ведь никогда о нем не рассказывал. Так как же, есть у тебя дядя или нет?

Показывая всем своим видом, что для него этот вопрос не является неожиданным, Мэйтэй произнес:

– О, дядя! Мой дядя страшно упрям... Он тоже достался нам в наследство от девятнадцатого века, – и посмотрел на супругов.

– Ха-ха-ха... Вы всегда говорите такие интересные вещи. А где он живет?

– В Сидзуоке, да не просто живет. Он живет с тёммагэ⁶⁶ на голове, я прямо поражаюсь. Когда ему говорят: «Наденьте шапку», – он гордо отвечает: «Хотя мне уже много лет, холод для меня никогда не был чувствительным настолько, чтобы надевать шапку...» «Холодно, поспите еще», – скажут ему, а он в ответ: «Человеку, чтобы выспаться, вполне достаточно четырех часов, спать больше – уже роскошь», – и встает затемно. Он хвастает: «Я тоже тренировался не один год, что-

⁶⁶ Тёммагэ – старинная мужская прическа.

бы научиться спать не больше четырех часов, однако в молодости мне все время страшно хотелось спать. Теперь же я наконец вступил в такую пору жизни, когда могу сделать все, что захочу, и страшно доволен». Ведь вполне закономерно, что в шестьдесят семь лет у него пропал сон. Для этого не нужна ни тренировка, ни всякая другая чепуха. Но он убежден, что добился успеха исключительно благодаря силе самоотречения. Поэтому, выходя из дому, он непременно захватывает с собой железный веер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.